

О.В. БАБЕНКО

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

ПОЛЬША
В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
1919-1939 гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

О.В. БАБЕНКО

ПОЛЬША
В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
(1919–1939 гг.)

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

МОСКВА
2011

ББК 63.3(4 Пол)
Б12

Серия
«Всеобщая история»

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел истории

Автор – *О.В. Бабенко*, канд. ист. наук
Отв. ред. – *Т.М. Фадеева*, канд. ист. наук

Бабенко О.В.

Б12

Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Т.М. Фадеева. – М., 2011. – 82 с. – (Сер.: «Всеобщая история»).

ISBN 978-5-248-00603-8

Анализируется место Польши в системе международных отношений межвоенного периода, в процессе становления, развития и крушения Версальско-Вашингтонской системы. Рассматриваются внешнеполитические концепции различных политических сил Польши, эволюция официального курса Варшавы, двусторонние соглашения Польши с европейскими государствами.

Для специалистов в области истории международных отношений, историков-полонистов, студентов и аспирантов гуманитарных специальностей.

ББК 63.3(4 Пол)

ISBN 978-5-248-00603-6

© ИНИОН РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Польский вопрос на этапе становления Версальско- Вашингтонской системы, (1919–1923 гг.)	8
Польша в период «двух стабилизаций»: От «плана Дауэса» до начала мирного сосуществования, (1924–1929 гг.)	28
Польская политика балансирования и крах Версальско- Вашингтонской системы, (1930–1939 гг.)	46
Заключение	71
Список литературы	74

ВВЕДЕНИЕ

Для международных отношений межвоенного периода в Европе и мире определяющее значение имел процесс становления, развития и краха Версальско-Вашингтонской системы. Она охватила не только 27 стран – победительниц в Первой мировой войне, но и все проигравшие войну государства, их бывшие колонии и владения, а также страны Центральной, Восточной и Южной Европы, многие из которых не являлись суверенными государствами на момент начала войны. В числе последних была Польша, ставшая неотъемлемой частью этой системы и вынужденная приспособливаться к ее метаморфозам.

Проблемы существования Польши в рамках Версальской системы в межвоенный период, ее международное положение и взаимоотношения с ведущими западными державами, Германией, СССР и другими государствами Европы привлекают большое внимание главным образом польских историков, о чем свидетельствует наличие монографий и публикаций по различным аспектам внешней политики Польши 1920–1930-х годов. Данная проблематика занимает видное место в дипломатической истории Европы межвоенного периода, который характеризуется наличием сложных событий и явлений, неожиданными поворотами, наложившими глубокий отпечаток как на внутреннюю жизнь европейских стран, так и на их внешнеполитические связи. Как пишет выдающийся польский историк Х. Батовский, «международные отношения межвоенного двадцатилетия развивались в Европе в более живом и драматическом темпе, чем на других континентах» (13, с. 393).

Неослабевающий исследовательский интерес к международным проблемам межвоенного периода объясняется прежде всего мировой катастрофой 1939 г., первой жертвой которой

стала Польша, и желанием историков определить ее виновников. Причины и предпосылки Второй мировой войны – тема, имеющая непреходящее значение. Масштабный международный конфликт, вызванный экспансионистскими стремлениями германских нацистов, грозил уничтожением целых наций и стран. 72 вовлеченных в него государства потеряли около 62 млн. человек. Для поляков же Вторая мировая война – национальная трагедия, начавшаяся с так называемого «четвертого раздела Польши», который лишил ее независимости. Как отмечает доктор истории А. Возный, «на протяжении многих послевоенных десятилетий историки, и не только они, задумывались над тем, как и почему случилась такая масштабная военная катастрофа, кто несет ответственность за очередной трагический национальный опыт, а также, разбиралось ли польское высшее командование в немецких военных приготовлениях» (87, с. 5).

Польская историография рассматриваемой проблемы весьма обширна. Первые исследования внешней политики Польши 1920–1930-х годов появились в межвоенный период. Безусловное первенство в изучении указанной проблематики принадлежит Г. Гжимале-Грабовецкому¹. Однако труды этого историка и его современников отличаются упрощенчеством, поверхностным отношением к историческим фактам и пропагандистской направленностью.

Обстоятельное изучение внешней политики межвоенной Польши началось в 1950–1960-е годы, когда Польское государство преодолело последствия Второй мировой войны, а научные учреждения и вузы начали полноценно работать. В то время появились как общие труды по международным отношениям межвоенного периода и внешней политике Польши², так и исследования отдельных направлений польской внешней политики³. В 1970–1980-е годы пристальное внимание уделялось отношениям

¹ *Grzymała-Grabowiecki J.* Polityka zagraniczna Polski w roku 1924. – W-wa, 1925; *Ibidem.* Polityka zagraniczna Polski w roku 1925. – W-wa, 1926; *Ibidem.* Polityka zagraniczna Polski w roku 1926. – W-wa, 1928.

² *Balcerak W.* Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna. – Wrocław etc., 1967 и др.

³ *Deruga A.* Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy, (1918–1919). – W-wa, 1969; *Lapier K.* Pakt Piłsudski-Hitler. – W-wa, 1962; *Osiński S.* V kolumna na Pomorzu Gdańskim. – W-wa, 1965 и др.

Польши с СССР⁴, Германией⁵, Францией⁶ и Великобританией⁷. Выходили и труды по различным проблемам международных отношений межвоенного периода⁸. Некоторые из вышедших в 1960–1980-е годы книг стали классикой польской научной литературы. А позиции известных исследователей Е. Бальцерака и Е. Красуского по целому ряду международных проблем разделяют многие историки современной Польши. Однако ограниченная источниковая база, доступная историкам Народной Польши, и давление цензуры не позволяли им всесторонне осветить основные проблемы и направления внешней политики межвоенной Польши. И только в 1990-е годы после распада социалистического лагеря, что способствовало ослаблению цензуры, преодолению идеологических препятствий и введению в научный оборот новых архивных материалов, начали появляться более объективные исследования⁹.

Для польской историографии 1990–2000-х годов характерны различные, порой взаимоисключающие, тенденции. В ней нередко сочетаются стремление к объективности и сохранение тенденциозности. Это касается главным образом трудов по польско-советским отношениям. Употребляемый в ряде работ пренебрежительный термин «sowiecki» («советский»), заменивший нейтральное выражение историков Народной Польши «radziecki» («советский»), взято из словосочетания «Советский Союз» – «Związek

⁴ Kowalski W.T., Skrzypek A. Stosunki polsko-radzieckie, 1917–1945. – W-wa, 1980; Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSSR w latach 1925–1934. Studium z historii dyplomacji. – W-wa, 1976; Materski W. Polska a ZSRR, 1923–1924: Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie. – Wrocław etc., 1981 и др.

⁵ Krasuski J. Między wojnami: Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. – W-wa, 1985; *Ibidem*. Polska i Niemcy. Dzieje wzajemnych stosunków politycznych (do 1932 roku). – W-wa, 1989; *Ibidem*. Stosunki polsko-niemieckie, 1919–1932. – Poznań, 1975 и др.

⁶ Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy, 1921–1939. – W-wa, 1971 и др.

⁷ Nowak-Kielbikowa M. Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937. – W-wa, 1989 и др.

⁸ Batowski H. Europa zmierza ku przepaści. – Poznań, 1989; Brzeziński A.M. Dyplomacja francuska wobec Konferencji Rozbrojeniowej w Genewie, (2 II 1932 – 31 V 1937). – Łódź, 1987; Korczyk H. Przyjęcie Niemiec i Polski do Ligi Narodów w 1926 roku. – Wrocław, 1986 и др.

⁹ Karcki J. Wielkie mocarstwa wobec Polski, 1919–1945: Od Wersalu do Jałty. – Lublin, 1998; Krolkowski B. Ułańskie lato: Od Krechowiec do Komarowa. – Lublin, 1999; Kukulka J. Traktaty sąsiedzkie Polski odrodzonej. – Wrocław etc., 1998 и др.

Radziecki»), уже заключает в себе негативное отношение польских исследователей к Советской России, Советскому Союзу¹⁰.

А некоторые историки пытаются низвести польско-советскую войну 1919–1921 гг. до уровня польско-большевистской войны («wojna polsko-bolszewicka»), т.е. усиливают ее идеологическую составляющую (24 и др.). Более того, хронологические рамки польско-советской кампании менялись исследователями в течение многих десятилетий, а в современной литературе присутствуют все разработанные ранее варианты. Последний из них – 1919–1920 гг. Хотя, следуя исторической логике, необходимо обозначать конец войны 1921-м годом, т.е. временем заключения Рижского мирного договора.

Тем не менее актуальность сохраняет многое из того, что было сформулировано польскими историками в 1920–1980-е годы: проблематика значения польского вопроса в международных отношениях, сути политики великих держав в польско-прибалтийском регионе и балтийской проблемы для Северной и Восточной Европы, а также французской системы военно-политических союзов, отношений Польши с крупнейшими соседями Германией и СССР, польско-украинских отношений для Центральной и Юго-Восточной Европы, польско-чехословацких отношений в период конфликта из-за Тешинской Силезии, а также до и после мюнхенского сговора и др. Особое значение имеет вопрос о том, могла ли Польша в 1939 г. избежать немецкой агрессии. Вышеуказанные проблемы продолжают разрабатываться польскими историками с учетом современных источниковых и методологических возможностей. Среди новых направлений исследований – еврейская проблема в польско-американских отношениях (71; 72), польско-японские отношения¹¹. А малоизученный вопрос о влиянии на внешнюю политику Польши сотрудничества польского МИДа с внешней разведкой страны нашел отражение в трудах профессора Поморской педагогической академии г. Слупска доктора истории А. Пеплоньского (65; 66; 67), торуньского исследователя А. Кжака (43) и историка из г. Пшемысля П. Козловского (42).

¹⁰ См., например: *Gregorowicz S., Zacharias M.J. Polska-Związek Sowiecki. Stosunki polityczne, 1925–1939.* – W-wa, 1995; *Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie, 1918–1939.* – W-wa, 1994.

¹¹ *Palasz-Rutkowska E. Polityka Japonii wobec Polski, 1918–1941.* – W-wa, 1998; *Palasz-Rutkowska E., Romer A.T. Historia stosunków polsko-japońskich, 1904–1945.* – W-wa, 1996 и др.

Настоящий обзор написан на основе польской литературы 2000–2010 гг., в которой прослеживается тенденция расширить круг рассматриваемых проблем внешней политики межвоенной Польши на фоне международных отношений того времени и исследовать связь между внутренней ситуацией в стране и изменениями ее внешнеполитического курса. Сравняются позиции современных польских историков по отдельным вопросам внешней политики Варшавы и международных отношений с мнениями российских и западных исследователей, а также историков Народной Польши.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ, (1919–1923 гг.)

Вопросам возрождения Польского государства, установления его границ и формирования внешнеполитического курса в первые послевоенные годы посвящены многочисленные публикации современных польских историков¹².

Каковы были итоги Первой мировой войны и как они повлияли на судьбу польского народа? 11 ноября 1918 г. во французском городе Компьен представители стран Антанты и побежденной Германии подписали Соглашение о перемирии, означавшее завершение Первой мировой войны. Компьенское перемирие юридически закрепило триумфальную победу государств Антанты над странами Четверного союза, в который, помимо Второго рейха, входили Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Его условия «были тяжелыми (для Германии. – *О.Б.*) и большая часть немецкого общества приняла их с разочарованием» (41, с. 15). А познанский историк С. Серповский замечает, что итогом Первой мировой войны

¹² См., например: *Faryś J.* Miejsce Polski w Europie w publicystyce «Rządu i Wojska» w latach 1918–1921: Z dziejów piłsudczykowskiej myśli politycznej // *Problemy narodowościowe Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku.* – Poznań, 2002. – S. 493–510; *Kalicki W.* Wypowiedzi Józefa Piłsudskiego dla pracy zagranicznej o międzynarodowej roli Polski w latach 1919–1920 // *Europa i integracja europejska w polskiej myśli politycznej XX wieku.* – Wrocław, 2003. – S. 40–60; *Mazurczak W.* Anglicy wobec sporu polsko-czechosłowackiego o Spisz i Tatrę po I wojnie światowej: Misja H.H. Wade’a w Zakopanem 1–8 marca 1919 roku // *Problemy narodowościowe Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku.* – Poznań, 2002. – S. 261–372.

«был упадок двух многонациональных империй – Австро-Венгрии и России, хоть и царская “тюрьма наций” возродилась в форме Союза Советских Социалистических Республик, чтобы с успехом продолжать политику доминирования России над другими народами» (75, с. 11).

Польские исследователи подчеркивают, что уже с первых дней освобождения польских земель от войск вражеских армий, поляки начали борьбу за независимость и территориальную целостность. Они «были очень заинтересованы в обретении *кресов* (т.е. пограничных областей; курсив наш. – О.Б.), особенно территорий Виленского региона и Восточной Галиции с Вильно и Львовом – символами “польскости” этих земель... Как только опустошались немецкие окопы, на их месте появлялись поляки и русские, утверждавшие, что эта земля принадлежит им» (24, с. 11).

11 ноября 1918 г. Регентский совет и Люблинское правительство передали командование вооруженными силами, а затем и всю полноту власти Ю. Пилсудскому. Эта дата считается датой создания независимой Польской Республики – Второй Речи Посполитой¹³. Как отмечают историки М. Маршал и М. Садовский, «получение Польшей независимости после 123 лет неволи было важнейшим событием в новейшей истории польской нации» (52, с. 11). А вопросы о ее новом статусе и границах, за исключением границы с Советской Россией и некоторых других участков границ, решались на Парижской мирной конференции. М. Маршал пишет, что после Первой мировой войны для поляков «идеалом было национальное государство, которое проводило свою национальную, нередко имперскую, политику» (51, с. 159).

Международная обстановка первых послевоенных лет характеризовалась наличием многочисленных проблем, вытекавших главным образом из противоречивых положений Версальского мирного договора 1919 г. С возникновением нового миропорядка связано, в частности, появление германской проблемы, поскольку для потерпевшей поражение Германии в Версальской системе не было равноправного места. В то время большое внимание уделялось вопросам, связанным с отношениями Второго рейха и граничащих с ним государств, в том числе и Польши. Как справедливо

¹³ Вторая Речь Посполитая – часто используемое в историографии название независимого Польского государства 1918–1939 гг., подчеркивающее преемственность польской государственности (Первая Речь Посполитая перестала существовать в 1795 г.).

отмечает лодзинский ученый доктор истории Д. Ежёрный, при рассмотрении вопросов послевоенного переустройства мира «особой территорией была Центральная Европа...» (30, с. 131).

Польский историк С. Дембски пишет, что Версальский договор, подписанный 28 июня 1919 г. на Парижской мирной конференции странами-победительницами и капитулировавшей Германией, «предусматривал территориальные уступки на востоке и на западе Германии, санкционировал оккупацию промышленных районов...» (3, с. 191). Так, например, Франция вернула себе Эльзас и Лотарингию, угольные копи Саарского бассейна, а Польша без оговорок получила Великую Польшу и часть Восточного Поморья. Германия признала независимость Польши и Чехословакии. Данциг был объявлен «вольным городом» под управлением Лиги Наций. Х. Батовский подчеркивает, что англичане и американцы были против проекта договора, «признававшего за Польшей не только границы 1772 г. на западе, включая Гданьск, но также Верхнюю Силезию...» (13, с. 36).

Весьма напряженно решался вопрос о передаче Польше части Западной Пруссии, которую Германия считала этнически немецкой территорией. Во второй половине 1919 г. в Берлине, Варшаве и Париже проходили польско-германские переговоры по данному вопросу. Инициативы польской стороны, выдвинутые в Версале, поддержали страны-победительницы, которые, по утверждению М. Войцеховского, «были обеспокоены уступками поляков во время переговоров в Берлине...» (85, с. 151). Требование Польши перенести переговоры в Париж одобрил Высший совет мирной конференции во главе с Ж. Клемансо, что привело в конечном итоге «к реализации в начале 1920 г. одного из важных постановлений Версальского договора – передаче Польше без плебисцита части провинции Западная Пруссия» (там же).

Польские историки справедливо отмечают, что в статьях Версальского договора был закреплен отказ Германии от всех колониальных владений в пользу союзников, полноценной армии, флота, военно-воздушных сил, крепостей, военного имущества. Однако прежде всего государства-победители «признали в одностороннем порядке ответственность Германии за развязывание войны и военные потери и разрушения» (41, с. 24). Поэтому ее обязали возместить все убытки, причиненные ею каждой из противостоявших ей стран. Кроме того, она лишилась возможности вступать в международные организации без санкции союзников. Это означает, как верно

заметил С. Дембски, что Версальский договор «существенно ограничивал суверенитет германского государства» (3, с. 191).

Версальская система не обеспечивала равенства составивших ее государств, предоставляла привилегии основным победителям – «главным союзным и объединившимся державам», в частности, возможность решить собственные проблемы в одностороннем порядке за счет просто «союзных и объединившихся держав» и побежденных стран. Так, «главные союзные и объединившиеся державы» получили права на большую часть бывших германских колоний и контроль над решением спорных вопросов, касавшихся Германии. В Версале восторжествовал принцип «свой-чужой», согласно которому побежденные государства и неучаствовавшая в установлении нового миропорядка Россия были исключены из числа равноправных субъектов международных отношений. А «способ подготовки мирного договора без участия побежденной стороны отличался от прежней международной практики, и отсюда появилась легенда о «версальском диктате», озвученная впоследствии в Германии» (13, с. 35). Таким образом, как пишет историк из Вроцлавского университета К. Федор, Версальский мирный договор, «созданный под диктатом большой тройки Франции, Великобритании и Соединенных Штатов, разрывающейся из-за их взаимного соперничества, в атмосфере революционных и прогрессивно-демократических настроений, отвечал прежде всего их интересам» (19, с. 82).

Слабость Версальской системы предопределялась наличием присущих ей многочисленных противоречий. Так, например, великие державы не смогли прийти к единому мнению в понимании «этнографического принципа», на основании которого якобы создавались новые государства. Творцы Версальского мира так и не сумели реализовать его на практике. Более того, они породили серьезные конфликты между новыми «малыми государствами» Европы, а также между последними и реваншистски настроенными Германией, Венгрией, Болгарией и Советской Россией. Договор предусматривал взаимодействие членов Лиги Наций в случае нападения на одного из них агрессора, но не давал четкого определения агрессора. Кроме того, он декларировал возможность пересмотра сделавшихся неприменимыми договоров, а также международных положений, сохранение которых могло бы создать опасность для всеобщего мира. Эта статья Статута Лиги Наций могла применяться и к самому Версальскому договору. Но самой серьезной ошибкой «главных союзных и объединившихся держав», по мнению

К. Федора, было то, что они оставили Германию «без надлежащего контроля за ее начинаниями после 1918 года...» (19, с. 77). Последствием этого стало подписание 2 марта 1919 г., т.е. на этапе обсуждения Версальского договора, секретного соглашения между Германией и Австрией, предусматривавшего в будущем объединение этих государств, что «было сделано вопреки предостережениям стран Антанты» (там же, с. 79).

Противоречивость и непоследовательность парижских соглашений явились причинами рождения германского реваншизма. С. Серповский пишет по этому поводу следующее: «Нерешенные или неверно решенные проблемы стояли настолько остро, что со времени рождения Версальской системы больше говорили и думали о ревизии и реванше, чем о созидании и сотрудничестве» (75, с. 12). Новая система международных отношений не выполнила возлагавшейся на нее задачи предотвращения новой военной угрозы для создавших ее держав, а скорее подтолкнула «униженную» Германию к реваншистским действиям, к пересмотру установленных Версальским договором границ, ссылаясь на нарушение в отношении нее «этнографического принципа» и несостоятельность самого Версальского договора как документа, устанавливающего подлинно справедливый мир. Вся Германия протестовала против Версальского мира, и «не было такой политической партии и общественной организации, которая была бы готова признать его постановления» (41, с. 24). Х. Батовский отмечает, что «лишь частично разоруженная армия под командованием высокомерного фельдмаршала Гинденбурга была склонна снова воевать, но только против Польши, поскольку отдавала себе отчет в безусловном превосходстве противников на западном фронте» (13, с. 36).

Следует отметить, что Германия в 1918 г., почувствовав, что не может продолжать борьбу, сама запросила перемирия. Ее войска не только не были разгромлены, но и находились на оккупированных ими территориях и на западе, и на востоке. Поэтому она восстанавливалась достаточно быстрыми темпами, а переживаемые ею трудности во многом носили конъюнктурный характер, связанный с общим кризисом европейской экономики. В 1919 г. была образована Веймарская Республика, просуществовавшая до 1933 г. Этот период познанский историк В. Вжесиньский называет «годами упрочения серьезного политического напряжения в польско-немецких отношениях» (90, с. 150).

Варшава вынуждена была отстаивать нерушимость Версальского договора и противодействовать всем попыткам Берлина

подвергнуть ревизии, а тем более аннулировать весь договор или его территориальные статьи, касавшиеся Польши. Анализ Версальского договора с точки зрения его соответствия интересам Польши свидетельствует о его двойственности в этом плане. С одной стороны, отдельные статьи договора были неблагоприятными для Польши, с другой – именно на его основе строились в межвоенный период польско-германские отношения. Как справедливо заметили известные польские историки З. Ландау и Е. Томашевский, «обстоятельства, в которых Польша обрела независимость и создавала свою территорию, в значительной степени определили возможности и нужды ее внешней политики» (81, с. 288).

28 июня 1919 г. между Польшей и пятью великими державами был заключен так называемый «Малый Версальский договор» – договор «о защите прав национальных меньшинств». Он обязал польское правительство уважать права более 1 млн. человек немецкого меньшинства, в то время как на Германию не были возложены аналогичные обязательства в отношении почти 2 млн. человек польского меньшинства. И в этом заключалась дискриминация поляков. Выражая мнение многих польских историков, Х. Батовский подчеркивает, что «этот договор был навязан Польше вопреки ее протестам...» (13, с. 37). Западные державы не допустили Польшу к подписанию мирного договора с Германией, но вынудили ее заключить с ними дополнительные договоренности. Они утверждали, что Польша обязана восстановлением своей независимости вооруженным силам Антанты. Польский историк М. Корнат не разделяет эту позицию и пишет, что Польша была возрождена «не благодаря милости держав-победительниц, а в результате Великой Войны и одновременно катастрофы трех государств-разделителей, что создало на их руинах политический вакуум, которым воспользовался польский народ» (38, с. 31). «Малый Версальский договор» сравнивается в польской историографии с «концертом держав» на Берлинском конгрессе 1878 г., когда великие державы навязали Румынии, Сербии и Черногории взамен признания их независимости ряд обязательств, «касающихся охраны этнических и религиозных меньшинств» (13, с. 37–38).

Во время Парижской мирной конференции, учитывая вероятность германского реванша, французские политические деятели искали гарантии государственных границ путем «заключения соглашения с англосаксонскими державами, которые взяли на себя обязательства оказать Франции эффективную помощь в случае угрозы со стороны Германии» (41, с. 20). США и Великобритания

согласились стать основными гарантами границ Франции. А Версальский мирный договор, выработанный и проведенный главным образом под давлением Парижа, был для него наиболее выгодным в смысле удовлетворения его аннексионистских стремлений, но при этом, как пишет Х. Батовский, «он не принес Франции всего того, чего ожидало общество...» (13, с. 40). Франция, как страна понесшая в военное время наибольший ущерб, должна была получить значительную часть германских репараций и осуществлять контроль над исполнением Германией репарационных обязательств, что давало ей возможность оказывать давление на последнюю в выгодном для себя направлении. Кроме того, она приобрела важные в промышленном отношении области в Германии и ряд ее бывших колоний. Но, как отмечает Х. Батовский, Франции не удалось «получить со стороны Германии гарантий стратегической безопасности путем отделения от Рейха левого берега Рейна» (там же, с. 38). Поэтому французы беспокоились, что Версальский договор «не гарантировал стране необходимой безопасности от новой агрессии» (там же, с. 40).

В послевоенное время Франция лишилась важного гаранта своей безопасности – Вашингтона, который перешел к политике изоляционизма, основанной на идее невмешательства в вооруженные конфликты вне Американского континента. Более того, сенат США и солидаризировавшееся с ним английское правительство отвергли франко-британское и франко-американское гарантийные соглашения, заключенные в день подписания Версальского мирного договора. Поэтому вопрос о безопасности Франции остался открытым, а старания Парижа получить гарантии безопасности начались с критики Версальского договора. За Францией последовали представители различных политических партий Великобритании, которые не просто критиковали Версальский договор, но и высказывались за ревизию польско-германской границы в пользу Берлина. Эта критика велась на фоне развернувшейся жесткой борьбы Англии и Франции за влияние в Европе. Инициировала ее Великобритания, имевшая целью подорвать гегемонию Франции в Европе, несмотря на то, что «после подписания Версальского договора позиция британского премьера на международной арене решительно усилилась» (32, с. 37).

Великобритания с самого начала не связывала себя признанием территориального деления, произведенного в Версале, окончательным и не подлежащим изменению в рамках нового гарантийного соглашения. Она старалась не допустить советско-германского

сближения, которое создало бы дополнительные трудности для реализации ее главной цели – «оградить Европу от возможности развязывания очередной войны» (32, с. 109). Великобритания расходилась с Францией в определении внешних угроз, считая главным врагом западного мира не столько Германию, сколько Советское государство. Неприязнь к последнему объяснялась, в частности, активной политикой России в Азии, где пересекались интересы Москвы и Лондона. Советско-германское сотрудничество усиливало Германию и ослабляло позицию Польши, а Великобритания выступала за сильную Германию и слабую Польшу. По этим же причинам британское правительство высказывалось за включение принадлежавшей Польше Восточной Галиции в состав Советской России. Современный познанский историк Т. Котловский замечает, что «Англия защищала интересы Германии, а Франция – интересы Польши» (41, с. 20).

Великобритания не была заинтересована в том, чтобы обложить Германию большими репарациями. Для их выплаты Берлину необходимо было наращивать свой экспорт и тем самым вступать в конкуренцию с Великобританией, все еще считавшейся главным мировым экспортером. И в этом вопросе интересы Лондона противоречили интересам Парижа, получателя большей части германских репарационных платежей. В Лондоне были склонны сохранять открытый характер вопроса о восточных границах Германии и стремились поддерживать с ней доверительные отношения. Англичане считали, что «для поддержания “равновесия сил” на европейском континенте необходимо способствовать возрождению германского государства в первую очередь в экономической сфере, а затем – в военно-политической» (19, с. 86).

В слабой Германии не были заинтересованы и США, которые, уйдя из Европы политически, последовательно укрепляли здесь свои экономические позиции. К. Федор считает, что Версальский договор «был компромиссом между стремлениями Вильсона и целями Франции и ее европейских партнеров» (там же, с. 75). Польские историки справедливо отмечают, что совпадение планов двух англо-саксонских держав в отношении их недавнего врага создавало для Германии благоприятные перспективы, особенно в финансовой области. Открытие дороги на Запад позволяло ее правящей элите с меньшими трудностями решать проблему репараций, стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и постепенно восстановить утраченные внешнеполитические позиции. Но при этом она не собиралась разрывать отношений с СССР,

страной, тоже находившейся в невыгодном международном положении, и, по мнению доктора истории профессора В. Матерского, «конфликтующей со всеми соседями...» (54, с. 8). Как пишет Т. Котловский, идеологическая внешнеполитическая линия СССР «повернула советско-немецкие отношения к основе Рапалло...» (41, с. 141).

По причине жесткого соперничества Парижа и Лондона попытка лишившейся гарантий Франции заручиться поддержкой Великобритании не получила положительного ответа последней. К тому же англичане, как отмечает С. Серповский, «фактически саботировали французские попытки создать единый фронт американских должников, так же как и попытку объединить выплаты Америке с получением репараций от побежденных государств» (76, с. 158). Экономически ослабленная Франция, имевшая на востоке соседа, который стремился к реваншу и не торопился выплачивать в полном объеме репарации, львиная доля которых приходилась именно ей, попыталась при участии союзнической Бельгии заставить Германию силой выполнять финансовые обязательства. С этой целью французские и бельгийские войска в январе 1923 г. оккупировали Рурский бассейн. Англия, периодически демонстрировала свое отрицательное отношение к французской акции. Как пишет К. Федор, «очередным шагом, ведущим к франко-английскому несогласию, была пронемецкая позиция Великобритании в период германо-французского спора в Рурском бассейне в 1923 г., который многие месяцы держал в напряжении европейскую дипломатию» (19, с. 86).

Другим событием, оказавшим огромное влияние на международные отношения 1920–1930-х годов была Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам, проведенная в 1921–1922 гг. по инициативе США, после которой Версальско-Вашингтонская система окончательно оформилась. На этой конференции рассматривались вопросы, неурегулированные Версальским мирным договором. Это было необходимо в связи с обострением противоречий великих держав, стремлением США обеспечить себе главенствующие позиции на Дальнем Востоке, в Китае. Вашингтон получил поддержку Великобритании, но столкнулся с противодействием Японии. Достигнутые договоренности носили компромиссный характер и касались в основном отношений в военно-морской сфере между США, Англией, Францией, Японией и Италией. Союзные державы продемонстрировали свое желание учитывать

«законные интересы» Советской России, т.е. по существу признали ее де-факто. США удалось усилить свою роль в решении серьезных международных проблем. Постановления конференции стали крупной дипломатической победой Вашингтона. В польской историографии отмечается также, что Вашингтонская конференция выявила «факт снижения значения и роли Великобритании как морской державы» (13, с. 85).

Со становлением новой системы международных отношений стало очевидным, что США уже не существуют изолированно от Европы. Они оказались связанными с европейскими странами экономическими и, прежде всего, финансовыми отношениями. Более того, Вашингтон начал претендовать на руководящую роль в мировой политике, получив по итогам Первой мировой войны «огромные выгоды: престиж, политические, экономические, упрочив позицию Штатов как страны, равноценной величайшим европейским державам, придавая им (США. – *О.Б.*) роль “банкира мира“» (там же, с. 83). США не понесли материального ущерба и разрушений, их людские потери были невелики. А поставки военных материалов, продовольствия и сырья для воюющих стран принесли Вашингтону прибыли, превышающие оценочную стоимость всех материальных разрушений в Европе. И уже после Версаля, как пишет варшавская исследовательница Р. Новачевская, США оказывали «прямую помощь за границе» (60, с. 5).

Адъюнкт Института истории Гданьского университета доктор истории П. Ружаньский отмечает, что с окончанием Первой мировой войны, когда Польше необходимо было приступить к налаживанию отношений с великими державами, у нее появился неожиданный противник – организация американских евреев. Их комитеты имели широкие международные связи и огромное влияние в мире. В годы Первой мировой войны евреи занимали высокие должности в администрации президента США, а некоторые из них были на заседаниях Парижской мирной конференции, т.е. принимали участие в решении судьбы Польши. Правда, в 1918–1921 гг. отношения между Польшей и еврейской общиной США были напряженными из-за антипольской пропаганды в Америке, ответом на которую стали еврейские погромы в Польше. В 1921 г. под давлением американских евреев Госдепартамент США отказался принять польского генерала Ю. Галлера, имя которого ассоциировалось с антисемитскими акциями. Американские евреи не поддержали Польшу в тяжелое для нее время обретения независимости и установления государственных границ, пытаясь соответствующим образом повлиять на руководство

США. Но политические лидеры Польши, как пишет П. Ружаньский, «также показали бескомпромиссность...» (72, с. 133).

Однако Германия была для Польши более серьезным врагом. Еще во время польско-советской войны 1919–1920 гг. немецкие военные круги стали обдумывать возможность установления сотрудничества с Советской Россией на случай конфликта Германии с Францией и Польшей. Отношения СССР и Германии основывались на Рапалльском соглашении 1922 г. и касались в том числе военно-технического сотрудничества с целью обеспечения собственной безопасности. В Москве и Берлине считали, что мир в Европе и после произошедших изменений ее политической карты не получил прочных основ. Торуньский историк Я. Романек указывает, что «в рапалльской политике СССР нашел способ защиты от эвентуального сотрудничества капиталистических государств против первого социалистического государства» (70, с. 50).

Рапалльский договор «вызвал в Польше большое недовольство и страхи...» (13, с. 134). Военный министр В. Сикорский полагал, что существовало секретное советско-германское соглашение, дополнявшее Рапалльский договор и придававшее ему форму военного союза (65, с. 51; 66, с. 285). Опубликованные документы по советско-германским отношениям не содержат секретной военной конвенции, но, согласно данным А. Пеплоньского, в период с марта 1921 по апрель 1922 г. Москва и Берлин подписали три тайных военных соглашения (66, с. 285). И польская сторона была достаточно хорошо осведомлена о советско-германском военном сотрудничестве, «позволяющем Германии обойти постановления о разоружении, навязанные Версальским договором» (13, с. 107).

По мнению официальной Варшавы, главными противниками Польши в первые послевоенные годы были жаждавшая реванша Германия и Советская Россия, которая также предъявляла к Польше территориальные и другие претензии. Как отмечает известный польский историк доктор Е. Борейша, в начале 1920-х годов Берлин и Москва «представляют Польшу как переходное образование, угнетающее национальные меньшинства» (1, с. 229). Другой историк М. Белокур пишет, что угрозу со стороны Германии и России не умалял тот факт, что обе державы находились «в трудной внутренней ситуации и сложном международном положении» (14, с. 367). По мнению еще одного исследователя А. Вжесиньского, для поляков было очевидно, что «пруссаки не примирились с поражением, а, верные прусским идеалам, готовились к возврату утраченных позиций» (91, с. 452).

Ситуация усугублялась тем, что границы Польши не были окончательно определены Версальским мирным договором. И совершенно очевидно, как пишет П. Козловский, почему уже в период формирования границ новой Польши деятельность спецслужб страны была направлена «на получение информации, касающейся опасности для новых границ польского государства, создающейся соседними странами – СССР, Германией, Литвой, Чехословакией» (42, с. 63).

Восточная граница Польши устанавливалась вооруженным путем – в ходе польско-советской войны 1919–1920 гг. Активные боевые действия между польской армией и воинскими частями Белорусской и Литовской ССР начались еще в январе 1919 г., т.е. до Парижской мирной конференции. Когда же она оставила открытым вопрос о польской восточной границе, боевые действия приобрели необратимый характер, в них включилась Советская Россия. Интересно, что Войско Польское получало оружие и аммуницию в том числе из Болгарии, «страны побежденной и изолированной на международной арене», которой «необходимы были хотя бы минимальные жесты признания и симпатии» (37, с. 25). И это происходило, несмотря на то, что и левые и правые политические силы Болгарии «требовали от правительства активной просоветской политики» (там же, с. 19). Да и в Польше были политические силы, выступавшие против войны с Россией: Польская социалистическая партия, Коммунистическая рабочая партия Польши, левые еврейские партии. А. Кжак пишет о членах Коммунистической партии следующее: «Коммунисты, связанные с Коминтерном, проводили деструктивную диверсионно-шпионскую и разведывательную деятельность против польского государства» (43, с. 323). Тем не менее в середине 1920 г., как считает исследователь Я. Шчепаньский, «перед лицом большевистской угрозы большинство польских политических партий было вовлечено в акцию по мобилизации польского общества на борьбу с врагом» (79, с. 155).

Польские историки, в отличие от своих российских коллег, вырывают из контекста польско-советской войны конфликт Польши и Украины из-за Львова и Восточной Галиции (69 и др.). В то же время в российской историографии польско-украинский конфликт рассматривается как неотъемлемая часть советско-польской войны (11, с. 149–224). Некоторых польских исследователей политика Великобритании по украинскому вопросу интересует даже больше, чем действия Советской России. Так, торуньский

историк Я. Региня-Захарский пишет о пророссийской и антипольской позиции британцев в галицийском конфликте (69, с. 228).

Итоги польско-украинского противостояния описываются в польской историографии следующим образом. Как отмечает исследователь П. Хаузер, глава Директории Украинской народной республики С. Петлюра, заключив в апреле 1920 г. союз с Ю. Пилсудским, не только отказался от полной независимости Украины, но и заплатил за него высокую цену – «оставил в границах Польши Восточную Галицию и часть Волыни» (25, с. 88).

А результаты польско-советской войны представляются одинаково и в польской, и в российской историографии: Россия потерпела поражение, и 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор. По этому договору Россия потеряла Западную Украину и Западную Белоруссию. Польские историки подчеркивают готовность поляков к смягчению своих требований и компромиссам. Так, М. Замойский пишет, что участники переговоров с польской стороны, «которым необходимо было улучшить образ их страны за границей, не настаивали на исторических границах и пошли на компромисс, в результате которого в границах Речи Посполитой оказались, однако, большие территории Украины и Белоруссии» (92, с. 247). Однако державы-победительницы признали восточную границу Польши только в 1923 г. Выражением их позиции была так называемая линия Керзона, фактическая этнографическая граница Польши на Востоке. Западная граница Польши, т.е. ее граница с Германией, была установлена лишь на некоторых участках. Она оставляла вне пределов Польши значительную часть территорий, на которые Варшава претендовала на основании так называемого исторического права и «стремления к наиболее выгодному территориальному положению» (79, с. 145).

Спорными территориями, согласно Версальскому договору, считались Верхняя Силезия и часть Восточной Пруссии. Вопрос об их принадлежности должен был решаться путем плебисцита, проведение которого взяли на себя западные державы. Плебисцит в Восточной Пруссии Польша проиграла. А верхнесилезская проблема решалась при серьезном вмешательстве Великобритании, поддерживавшей Германию. Именно поэтому сотрудники Северного отдела МИД Польши говорили о слабости Франции, «которая не может провести в жизнь свою позицию по Верхней Силезии из-за Англии» (53, с. 227–228). Во-первых, британская сторона делала попытки удалить из Верхней Силезии польского представителя В. Корфанты, но отказалась от них, поняв, что «это не ре-

шило бы проблемы, а обострило бы отношения (между Англией и Польшей. – *О.Б.*)» (53, с. 95). Во-вторых, посол Англии в Берлине лорд Э. д'Абернон поддерживал немецкие партии Верхней Силезии и заключил соглашение с премьер-министром Великобритании Д. Ллойд Джорджем, предоставлявшее немцам значительные привилегии в Верхнесилезском бассейне. Кроме того, Польша и Германия боролись за симпатии населения региона. Варшава выступила с предложением об автономии Верхней Силезии в рамках Польши – «ее целью было ослабление привлекательности немецких предложений» (18, с. 69). В конечном итоге, как отмечает польский историк Т. Лебеда, Верхняя Силезия была разделена между Германией и Польшей таким образом, что «к Польше отошло 29% этой территории» (45, с. 96). А Х. Батовский делает упор на выгоду, полученную Польшей. «Благодаря поддержке Франции, – пишет маститый историк, – несмотря на неприязненное отношение Великобритании и Италии, Польша получила меньшую часть территории (Верхней Силезии. – *О.Б.*), чем следовало, исходя из этнической ситуации (большая часть Опольского региона с многочисленным польским населением осталась под властью Германии), но очень ценную в экономическом отношении...» (13, с. 54).

А из-за богатых полезными ископаемыми и промышленно развитых земель Тешинской Силезии (Заользья), Оравы и Спиша возник польско-чехословацкий военно-политический конфликт. М. Белокур утверждает, что этот конфликт «выявил скрывавшуюся чехословацкими политиками в период борьбы за независимость неприязнь к Польше и полякам» (14, с. 368). Он закончился разделом данной области между Польшей и Чехословакией. Х. Батовский констатирует, что этот раздел был более выгодным для Чехословакии, чем для Польши. Прага, по решению Совета послов Антанты от 28 июля 1920 г., «получила бóльшую и наиболее ценную в экономическом отношении часть тешинской земли с довольно значительным числом польского населения; таким же образом была решена проблема Оравы и Спиша» (13, с. 51). Это утверждение противоречит мнению российского историка доктора исторических наук М.И. Мельтюхова, который считает, что Тешинская Силезия была поделена между Польшей и Чехословакией «примерно пополам»¹⁴ (6, с. 107).

¹⁴ В данном случае верное утверждение принадлежит польскому историку. По материалам Архива внешней политики Российской империи, которые приводит С.В. Морозов, «большая часть Остравско-Карвинского угольного бассейна

Получение экономически развитой части Верхней Силезии и большей части Тешинской Силезии соответствовало колониальным планам поляков. Один из идеологов польской колониальной мысли Ю. Тарговский в работе «Белые и цветные» отразил сущность польского колониализма, утверждая, что «державность каждого государства проявляется в обладании как можно большей территорией» (20, с. 342). Тем не менее поляков не устраивало приобретение части Заользья, пусть даже большей. Говоря о Тешинской Силезии, польский историк Я. Моравяк пишет, что события 1919 г. «оторвали ее от Второй Речи Посполитой, с чем полякам по обе стороны Ользы трудно было смириться» (58, с. 329).

В польско-чехословацком конфликте последнее слово осталось за Англией и Францией, что в очередной раз подчеркнуло подчиненное положение Польши и Чехословакии в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений. А силовое установление большей части границ Польского государства привело к тому, что Польша стала с подозрением относиться к большинству соседей. Отношения Варшавы с соседними странами, как заметил С. Серповский, были «плохими или очень плохими» (75, с. 12). С 1920 г., помимо возрастающего напряжения в Силезии, у поляков существовала боязнь военного столкновения с Германией на всем протяжении западной границы Польши. Страх был настолько ощутимым, что в документе Высшего командования Войска Польского «Основания к плану обороны Польши до 1925 г.», подготовленном генералом П. Хенрысом, говорилось, что Германия, «несмотря на серьезные договорные ограничения, могла бы выставить против Польши 30 дивизий пехоты» (88, с. 14).

Негативное отношение Германии к Польше подтверждается словами командующего рейхсвера генерала Ганса фон Секта, взгляды которого на польский вопрос анализирует современный историк С. Грегорович. В начале 1920-х годов фон Сект писал, что «существование Польши невыносимо, его невозможно примирить с жизненными интересами Германии. Польша должна исчезнуть, и она исчезнет вследствие своей внутренней слабости, вследствие уси-

общей площадью 1273 км² (включая города Моравская Острава, Фриштат, Фридек, Богумин, Чешский Тешен) и крупнейшие металлургические предприятия (включая Тржинецкий комбинат) остались у Чехословакии», 139 898 поляков оказались в чехословацкой части Тешинской Силезии и только 2295 чехов – в ее польской части (8, с. 5–6).

лий России, которой мы поможем... Основой германо-российского союза должно быть восстановление границ 1914 года» (2, с. 43).

По мере восстановления экономического и военного потенциала в Германии с большой силой проявлялись реваншистские настроения. Министерство иностранных дел Германии во главе с Г. Штреземаном придерживалось политики балансирования между Востоком и Западом в целях восстановления страны и ревизии Версальского договора, рассчитывая на возвращение территорий, «утраченных в 1919 г. в пользу Польши, и повторное включение Гданьска в Рейх» (84, с. 248). А Т. Котловский отмечает, что главными козырями в игре Германии с Западом были распространение сомнений в эффективности авторитета Лиги Наций и проведение так называемой рапалльской политики (41, с. 175).

В целях обеспечения безопасности страны основной задачей польской дипломатии стал поиск такой внешнеполитической линии, которая позволила бы Польше «усилить свою позицию в отношении Германии и России», превосходившими ее в территориальном, демографическом, промышленном и военном отношениях (46, с. 51). В первой половине 1920-х годов стоявшие у власти в Польше политические силы, особенно национальные демократы (эндэки), предпочитали сотрудничать с Парижем. Именно им принадлежит основная заслуга заключения союза с Францией, в основе которого лежала антигерманская политика. А внешнеполитическое ведомство Франции, как пишет Х. Батовский, «уделяло внимание прежде всего германскому вопросу для сохранения результатов победы (в Первой мировой войне. – *О.Б.*), и этой цели должна была также служить политика создания системы союзов, которые Франция решила заключить с центральноевропейскими странами, находящимися на востоке от Германии...» (13, с. 110). Поскольку Статут Лиги Наций запрещал создание военных союзов, а заключавшиеся в то время международные договоры, согласно его условиям, должны были быть зарегистрированы в Лиге Наций, все военные соглашения послеверсальского периода носили секретный характер. Так, польско-французские отношения основывались на двустороннем политическом договоре от 19 февраля 1921 г. и секретной военной конвенции от 21 февраля 1921 г., направленной против Германии и СССР. 28 августа 1924 г. вышеуказанные документы были дополнены секретным польско-французским военным соглашением о взаимопомощи. Х. Батовский отмечает, что польско-французский военный союз «имел оборонительный характер на случай немецкой агрессии, но гарантировал Польше также

определенные формы французской помощи в других случаях, что следовало понимать так: в случае польско-советской войны» (13, с. 110–111).

Одной из внешнеполитических целей Польши было обеспечение ей с помощью Франции позиции гегемона в регионе Центральной Европы и Прибалтики. Осуществлению вышеуказанной цели Польши отвечала идея западных держав по созданию Балтийского блока, которая начала проводиться в жизнь на рубеже 1919–1920 гг. Польша была одним из звеньев антисоветских планов западных держав по созданию «санитарного кордона» из государств Центральной и Юго-Восточной Европы, не только предохраняющего Европу от возможной экспансии Советской России, но и служащего барьером между Советским Союзом и Германией. В создании Балтийского союза были в равной степени заинтересованы и Англия, и Франция, и даже США. Данный блок создавался с участием Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии. Единственной реальной основой для объединения данных государств была их антисоветская политика. Так, например, Латвия и Эстония заключили в 1923 г. военную конвенцию, направленную против СССР (66, с. 383). Однако антисоветская основа их отношений оказалась весьма слабой и Балтийский блок так и не был создан. Польский историк М. Нурек подчеркивает, что с течением времени проблема всестороннего сотрудничества прибалтийских республик становилась «исключительно внутренней проблемой этих государств» (62, с. 207). Среди причин провала идеи балтийского блока были и противоречия, существовавшие между его эвентуальными участниками. Так, например, Польша находилась в напряженных отношениях с Литвой из-за занятого польскими войсками в 1920 г. Вильнюса. Поэтому не вызывает сомнений утверждение М. Нурека о том, что «возможность создания Балтийского союза зависела от степени близости интересов государств, заинтересованных в реализации этой идеи» (там же, с. 207).

Польские историки пишут, что Польша имела союзнические обязательства перед некоторыми странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Так, в 1921 г. она заключила союзный договор и секретную военную конвенцию с Румынией, которые, по мнению познанского исследователя П. Лосовского, имели «большое значение», так как включали в себя «обязательство предоставить военную помощь одной из сторон в случае неспровоцированного нападения на ее восточную границу» (46, с. 51). В этом же году министры иностранных дел Польши и Чехословацкой Республики

К. Скирмунт и Э. Бенеш подписали в Праге двустороннее политическое соглашение с секретным приложением к нему. Как отмечает М. Белокур, находившиеся в то время у власти в Польше эндеки рассматривали Чехословакию, «несмотря на ее недружественную политику в отношении Польши», как союзницу в борьбе «против предвидевшейся немецкой экспансии на восток Европы» (14, с. 381). В то же время ЧСР более лояльно относилась к Советской России и надеялась на изменение политического строя в ней. Во многом поэтому Прага не проявляла желания одобрить постановления Рижского договора 1921 г. и «не собиралась признавать польские границы на востоке» (28, с. 22).

Однако заключенные в начале 1920-х годов союзы с государствами Центральной Европы не предоставляли Польше всесторонних гарантий безопасности. Так, польско-румынский договор, направленный против России, не предполагал военной взаимопомощи в случае германской агрессии. Польско-чехословацкое соглашение вообще не содержало конкретных обязательств сторон на случай военной угрозы, а полагаться только на терявшую свои позиции в Европе Францию Польша не могла. Варшаве необходимо было рассчитывать на собственные силы и осуществлять две противоположные на первый взгляд задачи: с одной стороны, проводить мирную политику, чтобы не спровоцировать нежелательные действия со стороны более сильных держав, с другой – иметь хорошо организованную армию на случай нападения извне. Согласно данным познанского историка П. Окулевича, комиссия по иностранным делам польского сейма после заключения Рижского договора так сформулировала задачи Польши по обеспечению безопасности: «...гарантом безопасности должны быть сильная армия, освобожденная от контроля сейма, тонкая дипломатия, нейтрализация влияния СССР в Лондоне и Париже, а также союз с балтийскими государствами» (63, с. 373).

Внешняя политика Польши разрабатывалась как в польском Министерстве иностранных дел, так и в кругах, оказывавших влияние на выработку внешнеполитического курса страны политических сил, например, пилсудчиков, доминировавших в органах государственной власти в первые годы существования независимой Польской Республики. В основе концепции пилсудчиков лежало стремление гарантировать безопасность Польши во внешнем и внутреннем аспектах. Она приобрела форму «федеративных идей регионального характера...» (49, с. 140). Имелось в виду создание федерации из государств Центральной и Восточной Европы,

главную роль в которой играла бы «Великая Польша», включившая в себя бывшие земли Великого княжества Литовского и Украину. Пилсудчики были убеждены в том, что «литовцы, белорусы и украинцы должны были естественным образом тянуться к Польше в страхе перед постоянной угрозой со стороны России» (49, с. 143). Столицей «Великой Польши» должен был стать г. Вильно, но литовцы были против этого. Национальное литовское движение, как пишет историк Р. Микныс, показывает, что Литва стремилась «разрушить исторические государственные связи между Польшей и Литвой, как угрожающие существованию современного литовского народа» (56, с. 30). А его коллега М. Мацевский отмечает, что «ни одна из федеративных идей пилсудчиков не была реализована» (49, с. 143).

По мнению пилсудчиков, главным врагом Польши была Советская Россия. И это вполне оправдано с точки зрения современной польской исследовательницы Э. Хаброс. Ведь советское правительство рассматривало Польшу как «творение» несправедливого Версальского договора и препятствие на пути объединения советской и германской революций» и ставило под вопрос права молодого Польского государства на Великую Польшу, Поморье и Верхнюю Силезию (16, с. 219).

В польской историографии существует мнение, согласно которому Пилсудский не занимался всерьез национальной политической государственности (48, с. 57). Тем не менее он прекрасно знал национальный, языковой и религиозный состав польских кресов и собственно России. И уже в начале XX в. были заложены основы для федеративной концепции пилсудчиков и восточной политики, так называемого «прометеизма». Последняя предусматривала отделение от Советского государства Украины, Беларуси, Грузии, Армении и Азербайджана. М. Мацевский называет эти ожидания «наивными» (49, с. 157). Он же полагает, что эти идеи «стали одной из причин развязывания в 1919 г. польско-большевистской войны» (там же). Тем не менее пилсудчики рассчитывали на создание вышеуказанными государствами конфедерации как противовеса СССР и на ее «политическое сближение с некоммунистическими странами Европы» (там же, с. 158). Дело дошло до выработки основ такой конфедерации, но эта концепция так же, как и другие идеи пилсудчиков, не была осуществлена, несмотря на то, что обсуждалась «почти до конца существования Второй Речи Посполитой» (там же).

Национальные демократы во главе с Р. Дмовским, на которых опирались кабинеты В. Витоса и А. Скшиньского в первой

половине 1920-х годов, напротив, видели врага № 1 в Германии. Но и они желали увеличить территорию своего государства, правда, путем получения согласия России на присоединение отдельных ее областей к Польше. Речь шла о частях Литвы, Западной Белоруссии и Волыни, входивших до 1772 г. в состав Речи Посполитой. По мнению эндеков, это привело бы к созданию сильного Польского государства, имевшего добрососедские отношения с Россией и способного оказать достойное сопротивление Германии. Р. Дмовский предлагал также создать с целью отделения Германии от России блок из государств Центральной, Юго-Восточной и Северной Европы «под польским предводительством», в который вошли бы Чехословакия, Румыния, Югославия, Финляндия, Швеция и Дания (14, с. 373–374). А историк К. Кавалец полагает, что «вопреки распространенному стереотипу, приписываемому Дмовскому (и национальной демократии) пророссийские позиции, а Пилсудскому – германофильские, свойственное обоим лидерам намерение создать потенциально сильную Польшу направляло их начинания против обоих великих соседей Польши» (33, с. 64).

Польские историки считают, что внешнеполитические цели Варшавы во многом определялись личными пристрастиями А. Сквинынского, который в декабре 1922 – мае 1923 г. работал в правительстве В. Грабского в качестве министра иностранных дел. В то время он сформулировал задачи внешней политики независимой Польши. Своей первой задачей он назвал «получение от западных держав окончательного признания фактически существующей восточной границы Речи Посполитой» (82, с. 59). Выдающийся историк-международник П. Вандыч считает Сквинынского «одним из главных авторов заключенного (польско-румынского. – *О.Б.*) союза» (там же, с. 55).

Польские исследователи отмечают, что в 1919–1923 гг. появились первые признаки кризиса Версальско-Вашингтонской системы, в рамках которой развивалось молодое Польское государство. Существование новой системы международных отношений и положение Польши в ней зависели теперь от решения репарационного вопроса, вызывавшего «все большие трудности в экономической жизни Западной Европы», и германской проблемы в целом (13, с. 116).

**ПОЛЬША В ПЕРИОД «ДВУХ СТАБИЛИЗАЦИЙ»:
ОТ «ПЛАНА ДАУЭСА» ДО НАЧАЛА
МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ,
(1924–1929 гг.)**

Внешняя политика Польши и международные отношения второй половины 1920-х годов привлекают внимание современных польских историков в связи с изменениями международной конъюнктуры, вызванными «планом Дауэса» и решениями Локарнской конференции. В ряде публикаций 2000-х годов исследуется, в частности, вопрос о состоянии польско-чехословацких отношений¹⁵.

Периодом «двух стабилизаций» в современной историографии именуется 1924–1929 гг., т.е. время, когда капиталистические страны вступили в период экономической и социальной стабилизации, что положило начало новому этапу в истории международных отношений.

Этот период начался со специальной межсоюзнической конференции, которая проходила в Лондоне в августе 1924 г. На этой конференции в качестве решения был утвержден доклад комитета экспертов, получивший название «плана Дауэса». План, разработанный американским банкиром Ч. Дауэсом, содержал положения о новом порядке выплаты репараций, основных источниках погашения репараций, жестком контроле над экономикой и финансами Германии. Главная цель плана – заставить Германию «согласиться на генеральный контроль за выполнением Рейхом обязательств в сфере разоружений» (13, с. 117). Серьезным успехом Германии было получение гарантии того, что западные банки выделяют ей кредиты на сумму 800 млн. марок золотом. Как пишет докторант Института истории ПАН Л. Мочульский, «план Дауэса» был создан «скорее ради нужд международного рынка, чем немецкой экономики, но именно последняя оказалась главным триумфатором» (57, с. 39). Соответственно для Франции решения Лондон-

¹⁵ См., например: *Gruchala J. Sprawa Zaolzia w opinii czeskich środowisk politycznych, (wiosna 1925–1933) // Śląski kwartalnik hist. «Sobótka». – Wrocław etc., 2004. – R. 59, N 4. – S. 515–530; Ibidem. Zaolzie w opinii czeskich środowisk politycznych, (1920–1924) // Śląski kwartalnik hist. «Sobótka». – Wrocław etc., 2003. – R. 58, N 4. – S. 373–388; Pilarski S. Polska Partia Socjalistyczna wobec Czecho-słowacji w latach 1925–1933 // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2007. – R. 39, N 1. – S. 3–23.*

ской конференции не были выгодны. Более того, ее обязали дать обещание «уйти из Рурского бассейна в течение года» (13, с. 117).

С. Серповский считает, что результатом данного плана стал «конец французских надежд на использование экономического давления в германской политике» (76, с. 157). Ведь он был принят во многом из-за экономических последствий оккупации Рурского бассейна, когда французский франк был девальвирован на 40%, а вся экономика государства находилась на грани катастрофы. Серповский отмечает, что катастрофы удалось избежать «при участии англосаксонского капитала» (там же, с. 157).

Польские историки отмечают, что «план Дауэса» внес некоторую новизну в международные отношения, поскольку американцы впервые признали себя ответственными за возрождение немецкой экономики. В период с 1924 по 1934 г. США направили в Германию 18% своего заграничного капитала, что составило 2/3 общего зарубежного кредита, полученного Германией. Более того, Франция ощущала давление со стороны Вашингтона «в вопросе о полном соблюдении немецких пожеланий» (там же). Соединенные Штаты считали, что «экономическое возрождение Германии, а также ее вовлечение в международную политику является условием стабилизации на “Старом континенте”» (там же).

С принятием «плана Дауэса» французами вновь был поднят вопрос о гарантиях европейской безопасности, поскольку они были убеждены в том, что «в поединке не смогут ничего противопоставить немецкому реваншизму» (76, с. 157). Данный вопрос должен был обсуждаться на приближавшейся сессии Лиги Наций, которая открылась в сентябре 1924 г. в Женеве. На ней был принят так называемый Женевский протокол – «протокол о мирном улажении международных споров». Он был весьма противоречивым детищем западных держав. С одной стороны, Женевский протокол изменял дух Устава Лиги Наций, настаивая на санкциях в отношении агрессора и делая упор на военные меры. С другой стороны, он не содержал принципиально новых положений, которых не было бы в Уставе Лиги. Все подписавшие его страны обязывались предоставить государству, ставшему жертвой агрессии, свою экономическую и финансовую поддержку, отказав в ней агрессору; они согласились обеспечить в пользу подвергшегося нападению государства свободный пропуск через свою территорию товаров, продовольствия, военного снаряжения и союзнических войск. Этот протокол был одобрен Лигой Наций, но встретил резкую критику со стороны Великобритании и не был ею ратифицирован. Он не всту-

пил в законную силу и стал предметом франко-британских дипломатических разбирательств. Британские государственные деятели и дипломаты утверждали, что протокол не гарантирует безопасность Великобритании и не способствует установлению всеобщего мира, а скорее способен вызвать новые войны. А поляки полагали, что теперь политика Лондона «повернется в Европе к Франции и Бельгии (пакт), а за пределами континента – к Соединенным Штатам» (32, с. 110).

Отрицательное отношение англичан к протоколу было вызвано тем, что он предусматривал сохранение территориального статус-кво, установленного Версальским договором и давал Франции возможность рассчитывать на помощь Англии в случае конфликта между Германией и Францией или ее восточноевропейскими союзниками. Члены консервативного правительства Болдуина были последовательными противниками военных обязательств Великобритании на европейском континенте, поэтому они решительно выступили против ратификации Женевского протокола. На женевской сессии Лиги были также затронуты вопросы, касающиеся политических интересов Польши. Так, британский премьер Макдональд выступил с заявлением, в котором указал, что решение верхнесилезского вопроса Лигой Наций, по которому Польша получила большую часть промышленной зоны, было ошибочным. Поэтому в Варшаве с большим разочарованием был принят «факт согласия правительства Болдуина с ратификацией Женевского протокола» (там же).

После принятия «плана Дауэса» позиция Франции на международной арене изменилась. Как указывает историк С. Серповский, итоги международной политики первых послевоенных лет не были для Франции «ни выгодными, ни оптимистическими» (76, с. 157). Франция лишилась решающего влияния на европейскую политику, осуществлявшегося благодаря принадлежавшему ей ранее контролю над германскими репарациями и возможности воздействовать на Германию путем применения санкций. А в августе 1925 г. «последние французские и бельгийские отряды оставили Рурский бассейн, доходы от которого вновь начали серьезно усиливать экономику Германии» (13, с. 117).

Полученные Варшавой отчеты о женевской сессии Лиги Наций не были оптимистичными. «Немецкий национализм, – пишет Х. Батовский, – наибольшим злом считал новую восточную границу Рейха, а прежде всего существование так называемого Польского коридора, как называли полосу польского Поморья,

отделявшую тогдашнюю Восточную Пруссию от главной территории Германии» (13, с. 118). По мнению К. Кани, министр иностранных дел Германии Г. Штреземан использовал «уступки, сделанные державами Германии (“план Дауэса”) для ужесточения политики в отношении Польши» (32, с. 110). И это явно противоречило задачам Варшавы. Как справедливо пишет П. Козловский, для польского государства «самой важной целью в тот период было обеспечение нерушимости заново установленных границ» (42, с. 64).

Польские историки пишут, что выявившиеся в Женеве противоречия не внушали оптимизма польским дипломатам. Поляки видели, что возрождавшаяся под властью социал-демократов Германия восстановила свой экономический потенциал, ее промышленность заработала на экспорт, особенно на восточном направлении, где не было ограничений. В этом, по мнению В. Вжесиньского, поданные Второй Речи Посполитой усмотрели проявления новой политики Германии в отношении Польши, «связанной с экономическим расчетом и стремлением к политической гегемонии» (91, с. 463).

На результаты конференций 1924 г. министр иностранных дел А. Скшиньский, избранный повторно на эту должность в июле 1924 г., отреагировал следующим образом: он стал искать сближения с СССР, которому принятые западными державами документы тоже были невыгодны. Он провозгласил своей программой политику балансирования между востоком и западом Европы и подчеркивал «необходимость хороших отношений как с Францией, так и с Великобританией» (82, с. 83). В то же время II отдел Генштаба Войска Польского не разделял терпимого отношения главы польского МИДа к СССР, неоднократно заявляя об опасности возобновления Советским Союзом «военных действий против Польши или союзнической Румынии» (84, с. 90).

Несмотря на непростое международное положение Польши, А. Скшиньский старался всячески демонстрировать миролюбие Варшавы. По мнению П. Вандыча, подчеркивание Скшиньским «необходимости мира не было риторическим выражением, а указывало на новую программу польской внешней политики и новую концепцию международной ситуации» (82, с. 63).

Применительно к польской истории 1924–1925 гг. называют «временем национализма» (34, с. 67). В тот период у власти в Польше находились эндеки, ставившие во главу угла национальные интересы и переход от империализма к национализму. А. Скшиньский тоже был против империалистических устремлений, которые угрожали миру в Европе. Он выступал за сохранение

статус-кво Польши в послевоенном мире и установление благоприятных отношений со всеми ее соседями. За это его называли «мастером пацифизма слова» (82, с. 94).

Следует сказать, что в то время в политических кругах Польши были и сторонники сближения с Германией, а не СССР. В частности, в пользу сближения с Берлином, а также Лондоном высказывались пилсудчики, одобрявшие «план Дауэса». К тому же в отношениях Советского Союза и Польши имелся ряд трудно преодолимых противоречий, не урегулированных после принятия Рижского договора. Так, например, поляки не выполняли статью 7 Рижского договора, согласно которой украинскому и белорусскому населению на польской территории гарантировались права на свободное развитие культуры, языка, свобода вероисповедания. Кроме того, польские спецслужбы, в которых преобладали пилсудчики, оказывали поддержку белогвардейцам, скрывавшимся в Польше, а также диверсионным организациям, существовавшим на территории СССР. Правда, в то же время между Польшей и СССР проходил обмен политическими заключенными. Но В. Матерский обвиняет советскую сторону в уклонении от своих обещаний. Так, например, в марте 1924 г. российско-украинская делегация отказалась от прежних договоренностей и выдвинула свои предложения, несмотря на то, что польско-советские отношения были, по мнению Матерского, «в то время исключительно хорошими» (54, с. 171).

Познанский историк М. Ярнецкий отмечает, что с 1924 г. наступила нормализация в отношениях Польши с одной из ее политических союзниц – Чехословакией. Власти Чехословакии приняли решение «не только о ликвидации лагерей, но и о репатриации (польских граждан. – *О.Б.*)» (28, с. 118). Так, например, шла постепенная ликвидация чешского лагеря для военнопленных в Ёзефове. Интернированным польским военным выплачивалось денежное довольствие за труд в так называемых «рабочих сотнях», а желающим вернуться на родину предоставлялась такая возможность при условии, что они уведомили о своем желании чешскую сторону до января 1924 г. Тем не менее решение о ликвидации лагерей было принято в сложной обстановке, когда среди руководства Чехословакии возникли споры «и разные позиции по вопросу о подходе к делу» (там же, с. 119).

С М. Ярнецким соглашается доктор истории, профессор Института истории Силезского университета г. Катовице Я. Грухала, который считает, что «в связи с обозначившейся с конца 1924 г.

перспективой соглашения западных держав с Германией появились выгодные условия для польско-чехословацкого сближения» (23, с. 60). В конце 1925 г. во время визита Президента ЧСР Э. Бенеша в Варшаву были подписаны следующие документы – торговая конвенция, арбитражный договор и ликвидационное соглашение. Тем не менее, как пишет Грухала, улучшение двусторонних отношений «не означало решительного изменения политики Праги в отношении Польши» (там же, с. 61). ЧСР не собиралась налаживать тесное сотрудничество с Варшавой из-за страха перед вовлечением в военный конфликт с Германией и СССР. Более того, пражские власти по-прежнему «не признавали Рижский договор и не верили в долговечность восточной границы Польши» (там же). СССР, в свою очередь, выражал недовольство польско-чехословацким сближением. Москва критиковала, в частности, торговую конвенцию, которая, как указывает Я. Грухала, «гарантировала обоим государствам транзит военных материалов не только во время войны, но и в мирное время...» (там же). Кремль же пытался продемонстрировать, что вышеуказанная конвенция «нарушает нейтралитет Чехословакии в отношении Советского Союза» (там же).

Политические изменения в международных отношениях в Европе, которые начались с принятием «плана Дауэса», завершила Локарнская конференция. Это было значимое политическое событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу Польши. Конференция проходила 5–16 октября 1925 г. в швейцарском городе Локарно с участием Англии, Франции, Бельгии, Германии, Италии, Польши и Чехословакии. Ее цель, согласно заключительному протоколу, состояла в поиске странами-участницами «средства предохранения своих народов от бедствий войны» и в принятии мер для мирного урегулирования конфликтов, которые могут возникнуть между некоторыми из данных стран. Однако реальные цели локарнских соглашений заключались в попытке отрыва Германии от Советского Союза и в том, чтобы главный инициатор Локарно Великобритания ликвидировала французскую гегемонию в Европе путем усиления Германии и ослабления системы французских союзов со странами Центральной Европы. Для достижения названных целей Великобритании нужно было заставить участников Локарнской конференции пойти на определенные изменения системы международных обязательств, в том числе и требуемых Германией. Современный польский историк М. Корнат пишет о «больших про-

тиворечиях во взглядах Франции и Великобритании на устройство европейского Востока» (38, с. 43).

Польша знала о планах Германии и западных демократий заключить ряд соглашений. Для нее было важно, как справедливо пишет Х. Батовский, «чтобы Берлин гарантировал не только западные, но и восточные границы Германии» (13, с. 120). Варшава считала также, что ей необходимо получить постоянное место в Совете Лиги Наций, на которое претендовал и Берлин. Поляки понимали, что последний «использовал бы это место для своих антипольских начинаний...» (там же).

П. Вандыч пишет, что в период создания локарнской системы отношений А. Скшиньский не был в состоянии изменить германскую политику Франции и Великобритании. Он предпринимал различные действия для того, чтобы смягчить антипольский характер подготавливавшегося соглашения, использовал для этого все возможные средства. Вандыч называет такую политику «игрой всеми картами» (82, с. 144).

Польский министр иностранных дел, имея в виду политический союз Польши с Францией, говорил, что конференция по проблеме гарантийного пакта без участия Польши «не соответствовала бы сути и духу нашего политического договора» (там же, с. 124). И польская дипломатия старалась любыми средствами повлиять на Францию. В начале 1925 г. Скшиньский планировал посетить Лондон и провести переговоры с О. Чемберленом, но его инициатива не нашла поддержки в «Форин Оффис».

12 мая 1925 г. в Лондон был прислан французский проект ответа на предложение немецкого министра Штреземана о гарантийном пакте. Согласно данному проекту, намечалось «присоединение Бельгии к предполагаемому Рейнскому пакту, признание Германией нерушимости (существовавших. – *О.Б.*) мирных договоров, а также ее обязательство войти в Лигу (Наций. – *О.Б.*) и дополнение Рейнского пакта арбитражными договорами с соседями Германии» (там же, с. 158). Речь шла о восточных соседях Германии – Польше и Чехословакии. Французский проект вызвал много вопросов и сомнений у Чемберлена. Он, в частности, интересовался, станет ли Великобритания гарантом арбитражных договоров. Французский министр А. Бриан не дал прямого ответа, сказав, что «французское правительство находится в согласии со своими союзниками» (там же). При этом французский посланник в Польше де Панафье заметил А. Скшиньскому, что Франция «должна считаться с Великобританией» (там же, с. 159).

Историк Б. Кошель подчеркивает, что в дополнение к уже существовавшим трудностям в июне 1925 г. началась польско-германская таможенная война, которая «на несколько лет ослабила взаимную торговлю и углубила враждебность между двумя государствами» (39, с. 74). Л. Мочульский называет эту войну «практически экономической» (57, с. 48). А современный варшавский историк Б. Мусял пишет, что эта война «повлекла за собой огромный спад экспорта и производства, что отразилось на росте безработицы. Результатом стал финансовый кризис» (68, с. 34).

На последней фазе переговоров о Западном пакте Париж вынужден был согласиться дать гарантии только западных границ Германии. Польские историки с сожалением констатируют, что визит А. Скшиньского в Париж 3–8 июля 1925 г. ничего не изменил. В ходе этого визита глава польского МИДа предложил заключить польско-германский арбитражный договор одновременно с францужско-германским. Он подчеркивал также «необходимость гармонизации польско-французского союза с французско-английским сотрудничеством» (82, с. 163). Не принес результатов и визит А. Скшиньского в США, куда он выехал 15 июля. В беседах с американским представителем Дж. Стетсоном Скшиньский ограничился заявлением о том, что «хотел бы устранить все неясности между Польшей и США и оживить взаимные отношения» (там же, с. 164).

В начале сентября 1925 г. Скшиньский проводил переговоры на тему гарантийного пакта с министрами иностранных дел ведущих европейских держав в Женеве. Ему удалось получить подтверждение того, что Польша будет приглашена на Локарнскую конференцию. Однако визит наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина в Варшаву не принес ожидаемых результатов. На нем обсуждались проблемы двусторонних отношений и гарантийного пакта. Поляки придали ему «дружественный характер», но не более того. Чичерин находился в Варшаве проездом в Берлин, а варшавские переговоры носили тактический характер. А. Скшиньский говорил английскому посланнику в Варшаве У. Макс-Мюллеру, что его переговоры с Чичериным «не имели целью посорить Польшу с Германией» (там же, с. 194).

6 ноября 1925 г. Скшиньский во главе польской делегации выехал в Локарно. П. Вандыч делает упор на то, что польский министр даже перед конференцией в Локарно, когда вряд ли можно было что-то изменить, пытался оказать влияние на западные державы. Сразу после приезда в Швейцарию он провел переговоры с А. Брианом, на следующий день долго беседовал с

О. Чемберленом, а затем опять с Брианом. Чемберлен заверил Скшиньского в том, что наладившиеся польско-советские отношения не помешают переговорам в Локарно и что Великобритания «заинтересована в стабилизации в Восточной Европе» (82, с. 198).

Накануне парафирования локарнских соглашений Скшиньский был настроен оптимистично. Ведя свою дипломатическую игру, он говорил, что в подготовленных документах отражены все необходимые Польше гарантии безопасности, упрочен союз Польши с Францией, а польская внешняя политика «получила в Локарно юридические и материальные выгоды для народа и, гарантировав мир, открывает возможности для доверия» (там же, с. 205).

В действительности, на Локарнской конференции было разработано пять документов общего характера (Рейнский пакт, заключенный между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией; арбитражное соглашение между Германией и Бельгией; арбитражное соглашение между Германией и Францией; арбитражный договор между Германией и Польшей; арбитражный договор между Германией и Чехословакией), два гарантийных договора между Францией и странами Центральной Европы (франко-польский и франко-чехословацкий), которые появились после заключения первых пяти договоров и были доведены до сведения всех участников конференции. Последним актом Локарнской конференции является нота западных держав Германии по проблеме участия в санкциях против агрессора согласно ст. 16 Статута Лиги Наций. Соглашения были подписаны в Лондоне 1 декабря 1925 г., «а после их ратификации в следующем году они действовали на протяжении десяти лет, пока Германия не денонсировала их в 1936 г.» (13, с. 122).

Как справедливо полагают польские историки, результаты конференции в Локарно показывают, что на ней были приняты не двусторонние обязательства стран-участниц, а разработана целая система организации международной жизни. По мнению Великобритании, добившейся наибольших выгод, «мир стал гораздо более безопасным и стабильным по сравнению с последними десятилетиями» (62, с. 216).

Совершенно очевидно, что для Варшавы результаты Локарно были крайне неблагоприятны. Главный документ конференции – Рейнский гарантийный пакт – устанавливал неприкосновенность только западных границ Германии и этим официально подтверждал разницу в статусе ее западных и восточных границ, давая ей возможность сохранить основания для выдвижения претензий к

Польше и Чехословакии в соответствии с предусмотренной Версальским договором возможностью пересмотра его положений. Польско-немецкий арбитражный договор, являвшийся одним из дополнений Рейнского гарантийного пакта, имел аналогичный смысл. Польский историк В. Михович справедливо заявляет о появлении в Локарно «двух понятий безопасности: полного для Западной Европы и частичного для Центрально-Восточной Европы и других регионов мира» (55, с. 10). А его коллега, доктор истории, адъюнкт Института истории и архивистики Университета Николая Коперника К. Каня пишет, что Англии «удалось “поделить” Европу на западную, охваченную гарантиями Великобритании и Италии, и восточную, имеющую только гарантии Франции» (32, с. 114–115). Продолжая свою мысль, Каня соглашается с утверждением своего предшественника М. Баумгарта о том, что Локарно «было успехом Англии и Германии и поражением Франции и Польши» (там же, с. 115).

Точки зрения польских историков сталкиваются с совершенно необоснованным мнением современного пермского ученого Д.В. Офицерова, согласно которому локарнские соглашения не касались Восточной Европы (10, с. 33). Другой российский исследователь доктор исторических наук С.В. Морозов дает справедливую оценку Локарно, соответствующую вышеуказанным мнениям польских историков: «Арбитражные договоры, подписанные Германией, в частности с Польшей и Чехословакией, не были объединены с Рейнским пактом, следовательно, границы этих стран с Германией не были гарантированы всеми участниками Локарнских соглашений. Тем самым локарнская система гарантировала лишь безопасность западного направления, не создавая прочного заслона германской экспансии в восточном, на котором собственно и были расположены Польша и Чехословакия» (8, с. 55). Более сжатое и точное определение событиям 1925 г. дает доктор исторических наук, профессор Г.Ф. Матвеев (МГУ им. М.В. Ломоносова), который пишет, что «Лондон, Париж и Берлин подкорректировали Версальскую систему, уравнив Германию в правах с державами-победительницами» (5, с. 324).

Многие польские историки задаются вопросом о том, сохранились ли после Локарно французские гарантии для Восточной Европы. Большинство отмечает, что Франция по условиям франко-польского гарантийного договора лишилась возможности оказывать Польше военную помощь без санкции Совета Лиги Наций. Как пишет М. Лечик, Локарно «ощутимо положило начало факти-

ческому ослаблению польско-французского союза и одновременно послужило толчком для роста скрытых немецких, явно реваншистских дипломатических и пропагандистских действий, направленных против Польши» (4, с. 120).

Точки зрения современных польских историков на итоги Локарно совпадают с мнением историков Народной Польши и современных западных исследователей. Так, польский историк-международник Т. Цесьляк, сравнивая внешнюю политику Польши 1925 г. и накануне сентябрьской катастрофы 1939 г. пишет, что в обоих случаях польское руководство «ошибочно оценивало расстановку сил, а впоследствии – возможности и намерения западных союзников относительно польско-немецкого конфликта»¹⁶. Другой известный исследователь времен Народной Польши, Е. Красуский, написал следующее: «Можно сказать, что Остин Чемберлен и Бриан подписали в Локарно преамбулу к будущему Мюнхенскому соглашению...»¹⁷. А современный британский историк профессор Оксфордского университета Дж. Райт утверждает, что гарантийный пакт «служил интересам каждой из (подписавших его. – О.Б.) держав, за исключением Польши, у которой не было другой альтернативы, кроме как принять итоги (Локарнской конференции. – О.Б.)» (89, с. 399).

Локарнские соглашения предусматривали также принятие Германии в Лигу Наций и ее участие в санкциях Лиги против «нарушителей мира». Поэтому нет ничего удивительного в том, отмечает Б. Кошель, что локарнские соглашения были приняты в Польше «с недоверием и подозрительностью» (39, с. 74). Практически все были убеждены в том, что Локарно ослабит союз Польши с Францией, а военная помощь Франции Польше в случае нападения на последнюю теперь поставлена под сомнение. К. Федор пишет, что Великобритания достигла «поставленной цели: ослабила роль Франции и вынудила ее изменить политику в отношении Германии» (19, с. 87). Локарно еще раз подтвердило право Германии добиваться изменения сложившегося в Восточной Европе статус-кво, причем теперь в новом качестве равноправного участника международных отношений.

¹⁶ *Cieślak T.* Geneza sojuszu polsko-radzieckiego // *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały.* – W-wa, 1966. – Т. 2. – S. 12.

¹⁷ *Krasuski J.* *Stosunki polsko-niemieckie, 1919–1932.* – Poznań, 1975. – S. 230.

Подверглась критике и деятельность А. Скшиньского, что было вызвано положительным отношением польского министра к итогам Локарно. Многие польские парламентарии были недовольны ими, поэтому сейм не сразу ратифицировал локарнские соглашения. 1 декабря 1925 г., находясь в Лондоне, А. Скшиньский сделал заявление о том, что локарнские соглашения обеспечивают гарантию мира в Европе, а границы Польши ненарушимы. Однако это была только официальная реакция польского МИДа, которую выражал Скшиньский. Польские историки полагают, что позитивная реакция на заключение локарнских соглашений была частью дипломатической игры польского министра, который хотел сохранить взаимовыгодное сотрудничество с Англией и Францией одновременно. А. Скшиньский всячески демонстрировал удовлетворение произошедшим, говорил о своей признательности О. Чемберлену за его лояльность к Польше, высказывал свое восхищение дипломатией А. Бриана. П. Вандыч считает, что Скшиньский проводил в Локарно «эластичную политику» уступок, поскольку старался быть дальновидным и «рассматривал в качестве альтернативы либо новую войну, либо некоторую стабилизацию, необязательно на таких условиях, которые он выбрал бы как поляк» (82, с. 217).

Советский Союз же никак нельзя было назвать проигравшей стороной в Локарно. Германия приняла все предложения Советского Союза относительно заключения двусторонних договоров. За четыре дня до парафирования локарнских соглашений, 12 октября 1925 г., в Москве были подписаны советско-германское соглашение о правовой помощи в гражданских делах и торговый договор, весьма выгодный для обеих сторон. Торговый договор, как проявление советско-германского сближения, вызвал недовольство в Польше. А летом 1926 г. немцы проводили энергичную акцию давления на западных держав, «не желая признать за Польшей равного положения на международной арене, т.е. не желая усиления позиции Польши» (13, с. 123). Эта акция завершилась успехом Берлина. На сентябрьской сессии 1926 г. Лиги Наций Германия была принята в Лигу с предоставлением ей постоянного места в ее Совете. Варшавская исследовательница М. Венцлевская считает, что «вступление в Лигу Наций Германия рассматривала как вопрос престижа» (83, с. 75). Среди целей Г. Штреземана после эвентуального вступления в Лигу Наций были «возвращение Гданьска и «польского коридора», а также пересмотр границ Верхней Силезии» (там же). Польша же отказалась от постоянного места в

Совете Лиги, поскольку, по мнению Венцлевской, она «не хотела “расколоть” сессию (Лиги. – О.Б.)» (83, с. 76).

Польша же, действительно, вышла из Локарно проигравшей, поскольку не получила гарантий своих границ с Германией и уверенности в получении безотлагательной помощи от Франции в случае военной угрозы. Германские успехи становились все более опасными для Польши. Финансовый и политический кризис, охвативший Польшу осенью 1925 г., казалось, способствовал успеху немецких планов ревизии польско-германской границы. Польша так и осталась между двумя потенциально более сильными соседями – Германией и СССР, продолжавшими укреплять свое сотрудничество. Кроме того, польские претензии на постоянное место в Совете Лиги Наций оказались неудовлетворенными. Польша и Испания, ввиду давления Германии на других членов Совета Лиги, получили лишь «два полупостоянных места...» (там же, с. 124).

Что же касается Германии, то по итогам Локарно ей удалось сохранить возможность пересмотра своих восточных границ в неопределенном будущем. Л. Мочульский пишет, что «результаты договорного урегулирования ситуации на француско-немецком пограничьи, а также выгодное для всех сторон решение проблемы репараций... обеспечили на будущее политическую и экономическую стабилизацию» (57, с. 40). Правда, цена этой временной стабилизации, «не до конца понятая западными государственными мужами, была высока. Германия получила возможность быстро восстановить свой экономический потенциал, самый мощный на европейском континенте, а оба экспансионистских государства (СССР – благодаря соглашению с Берлином) – свободу действий...» (там же).

Локарнские договоренности подтвердили намерения Великобритании и Франции решить свои проблемы за счет «малых стран» Европы и вынудили Польшу заняться поиском новых союзников и других гарантий безопасности. П. Вандыч отмечает, что со второй половины 1925 г. в Польше, которая и так была слабой в экономическом отношении, начался тяжелый экономический кризис. Чтобы сохранить свои позиции А. Скшиньский, ставший в ноябре 1925 г. премьер-министром Польши, продолжал свою дипломатическую линию. Он, в частности, говорил, что отношения с Францией еще никогда не были такими близкими, а отношения с Румынией стали более дружественными. Скшиньский утверждал также, что отношения с Германией будут проходить в русле взаимных выгод,

а сама Германия «с течением времени привыкнет к постверсальскому статус-кво» (82, с. 227).

12 декабря 1925 г. была созвана подготовительная комиссия Женевской конференции по разоружению, работа которой была намечена на 1926 г. В ее задачи входила разработка положений по проблеме сокращения национальных вооружений для предстоящей конференции. К участию в работе Комиссии планировалось привлечь государства, не входившие в Лигу Наций, в частности США, СССР и Германию. Польша намеревалась использовать ее «для представления польских концепций (по разоружению. – *О.Б.*), которые изменили бы образ Польши как государства, заинтересованного в стабилизации мира» (55, с. 17).

Однако первая сессия комиссии, назначенная на 15 июля 1926 г., не была проведена в срок. К.М. Шударек отмечает наличие разногласий в стане ее участников. Так, США интересовались исключительно проблемой морских вооружений, в то время как Франция настаивала на сокращении всех видов вооружений. В британском МИДе «не скрывали скептицизма относительно перспектив переговоров по проблемам разоружения» (80, с. 26).

В начале 1926 г. на заседаниях подготовительной комиссии конференции по разоружению Берлин предложил сделать вооруженные силы Германии, Франции и Польши равноценными, т.е. сократить французскую армию в 2,5 раза, а польскую – на треть, удвоив при этом силы Рейхсвера. Поэтому А. Скшиньский выступил против Берлинского трактата. Т. Котловский отмечает, что реакция на указанный трактат в Лондоне и Париже тоже была негативной (41, с. 186).

При подготовке конференции британские дипломаты придавали большое значение позиции США. 4 декабря 1926 г. президент США К. Кулидж проинформировал Конгресс о своем желании принять приглашение Лиги Наций. После этого Лондон интересовала лишь позиция Советского Союза в отношении Женевской конференции. Как отмечает Шударек, в середине 1920-х годов отношение не входящего в Лигу Наций СССР к подготовке конференции по разоружению было «неизменно негативным» (80, с. 29). А представители «Форин Оффис» считали участие советской стороны в Женевской конференции необходимым условием разоружения стран Центральной и Восточной Европы. В условиях советско-швейцарского конфликта из-за убийства В. Воровского появилась информация об отсрочке первой сессии подготовительной комиссии. Однако советская сторона сначала отказалась от

участия и в работе подготовительной комиссии, и собственно в Женевской конференции, что, как полагает К.М. Шударек, поставило под вопрос рассмотрение проблем разоружения на международном уровне (80, с. 40). Тем не менее после окончательного урегулирования конфликта с Берном СССР в 1927 г., как отмечает Х. Батовский, «стал активным участником заседаний подготовительной комиссии вплоть до конца ее работы в декабре 1930 г.» (13, с. 160).

Изменения международной обстановки привели к тому, что Варшава решила заняться поиском надежных союзников. В числе последних мог оказаться и Советский Союз. Однако Москва опередила Варшаву. В январе 1926 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР предложил польской стороне возобновить переговоры на тему двустороннего политического соглашения. К этому вопросу вернулся Г.В. Чичерин в беседах с польским посланником С. Кентшинским 22 и 28 января, предлагая заключить пакт о ненападении. Польское правительство «выдвинуло предложение о многостороннем пакте, охватывающем балтийские государства, а также союзницу Польши Румынию, с которой, однако, СССР не поддерживал дипломатических отношений из-за спора по поводу Бессарабии» (там же, с. 135).

Более того, 26 марта 1926 г. в рамках политики по обеспечению собственной безопасности Польша заключила новый договор с Румынией, названный «гарантийным трактатом», в котором, однако, «не был упомянут СССР как эвентуальный противник» (там же, с. 139). Договор был дополнен новой военной конвенцией и был призван «наложить на стороны обязательства только на случай агрессии с востока» (там же).

Следует сказать, что параллельно с польско-советскими переговорами проходила заключительная стадия переговоров Москвы и Берлина о подписании политического договора. В скором времени НКВД СССР дал понять, что переговоры, проводившиеся в Варшаве и Москве советскими дипломатами, не имели официальной поддержки советского правительства, т.е. они были скорее зондажем, имевшим своей целью подтолкнуть польское правительство к определению собственной позиции. Причиной этого послужили подходящие к концу советско-германские переговоры, а также решение Советского правительства выступить с предложением ко всем балтийским государствам заключить отдельные политические договоры. Польша же не оставляла своих планов по созданию регионального блока и в 1925 г. в Хельсинки подписала

«арбитражный договор, охватывающий Эстонию, Финляндию, Латвию», который «вызвал недовольство в Москве» (13, с. 136). В 1926–1928 гг. переговоры Варшавы с балтийскими государствами продолжались.

А 24 апреля 1926 г. был заключен советско-германский политический договор, так называемый Берлинский трактат, который еще более упрочил дружественные отношения Москвы и Берлина. В нем, в частности, содержалось положение об отказе Германии от участия в возможных коллективных санкциях Лиги Наций против СССР в случае ее вступления в Лигу. Предусматривалось также неучастие договаривающихся сторон в «экономических коалициях» и военных действиях друг против друга. Следует сказать, что реакция польской стороны на заключение советско-германского политического договора была крайне негативной. По мнению поляков, «возможность того, что оба главных соседа Польши могли бы одновременно и в согласии друг с другом выступить с территориальными претензиями (к ней. – *О.Б.*), нельзя было исключать» (там же, с. 145).

Л. Мочульский считает, что «польским ответом на Локарно и германо-советский трактат был майский переворот» (57, с. 40). В мае 1926 г. в Польше произошел государственный переворот, в результате которого была установлена диктатура маршала Ю. Пилсудского. Пилсудский зарезервировал для себя решающее влияние на армию и внешнюю политику Польши. Дальнейшие события должны были показать, как смена власти отразится на внешнеполитическом курсе страны. А. Чубинский пишет, что первые два года диктатуры Пилсудского «прошли спокойно, поскольку Польша вступила в период очень благоприятной экономической конъюнктуры» (17, с. 309).

На основе оценки международного положения Польши Ю. Пилсудский сформулировал две основные цели внешней политики, которые анализируются в статье М.К. Каминьского (31). «Первая из них, – говорил Пилсудский, – заключается в том, что Польша должна поддерживать строгий нейтралитет между Германией и Россией, чтобы обе эти страны были абсолютно уверены в том, что Польша не выступит с одной из них против другой. Другой целью является сохранение союзов с Францией и Румынией как гарантии мира» (там же, с. 15). Новая внешняя политика Польского государства была логическим продолжением политики министра А. Скшиньского, основанной на союзах с Францией и Румынией и концепции балансирования между СССР и западными державами.

Конечно, военно-политический союз с Францией не был для Польши таким значимым, как до Локарнской конференции 1925 г. Однако Ю. Пилсудский стремился поддерживать союзнические отношения с Францией, не имея аналогичных союзов с другими ведущими европейскими державами.

Возвращение Пилсудского к власти вновь усилило в советском руководстве опасения в отношении его западной соседки, что не могло способствовать потеплению отношений между ними. После майского переворота в новом польском правительстве министром иностранных дел стал бывший посол Республики Польша в Риме Август Залеский. Его считали человеком, тесно связанным с английскими финансовыми кругами, сторонником переориентации Польши на Великобританию. Залеский назвал главными составляющими польской внешней политики постоянство, целостность и стремление к миру. Новый министр так же, как и его предшественник А. Скшиньский, выступал за заключение коллективного гарантийного договора для Центральной и Восточной Европы и ставил подписание пакта о ненападении с СССР в зависимость от результатов переговоров последнего со странами Прибалтики. Он считал, что сохранить государственную независимость можно «только с помощью какой-либо международной организации мира» (55, с. 17).

Польские историки отмечают, что в условиях нестабильной международной обстановки Польша продолжала свой курс на поддержание государственной безопасности и сохранение статус-кво. В частности, в 1928 г. Варшава предприняла попытки нормализовать отношения с Литвой. Х. Батовский пишет, что переговоры по этому вопросу «проходили в Крулевце, но Литва не отказалась от своей негативной позиции» (13, с. 137).

27 августа 1928 г. в Париже представители 15 стран мира, включая Польшу, СССР и Германию, подписали соглашение, названное Пактом Бриана-Келлога. Его содержание сводилось к двум составляющим: отказу от войны как метода решения международных споров и орудия национальной политики и разрешению конфликтных ситуаций исключительно мирными средствами. Однако «не было уверенности в том, что Германия будет помнить о своей подписи под Пактом 1928 г.» (там же, с. 145). Правда, поляки, заботясь о собственной безопасности, надеялись на строгое выполнение данных положений. Пакт Бриана-Келлога, по мнению Х. Батовского, был большим, пусть даже «теоретическим», достижением «в сфере международной безопасности» (там же, с. 161).

Несмотря на начавшийся этап мирного сосуществования СССР с капиталистическими государствами, вышеуказанный договор был нарушен уже в августе 1929 г. Советским Союзом, который разгромил войска правителя Маньчжурии Чжан Сюэяна, решившего провести национализацию КВЖД. В Москве понимали, как полагает Л. Мочульский, что «на Дальнем Востоке открывается дорога для “пролетарской революции” и возобновления российской экспансии» (57, с. 32). США, Англия и Франция выразили свою озабоченность по поводу нарушения Москвой Пакта Бриана–Келлога, в то время как Германия, Италия и Япония отнеслись к действиям СССР лояльно. Мочульский пишет, что «дело дошло до международного скандала, державы передали эту проблему (на рассмотрение. – *О.Б.*) Лиги Наций, Китай разорвал дипломатические отношения с СССР, нависла угроза войны; под международным давлением Москва вывела большую часть отрядов» (там же, с. 32–33). Советско-маньчжурский конфликт завершился подписанием в декабре 1929 г. Хабаровского протокола о восстановлении положения на КВЖД, что ознаменовало военную и дипломатическую победу СССР. Правда, после вышеуказанных событий китайское правительство, с которым у Москвы тоже были конфликты из-за КВЖД, лишило иностранцев в Китае экстерриториальных прав. Западные державы, США и Япония этого решения не признали. Принимая во внимание сложности международной обстановки, Польша «стремилась к получению лучших гарантий с восточной стороны (т.е. со стороны Советского Союза. – *О.Б.*)...» (13, с. 145).

А забота Парижа о безопасности Франции и всей Европы приобрела форму конкретных предложений. 5 сентября 1929 г. в Женеве на 10-й сессии Лиги Наций министр иностранных дел Франции А. Бриан представил проект организации Соединенных Штатов Европы – регионального союза с участием Польши, действующего в рамках Лиги Наций. В Польше «доминировал скептицизм» по поводу этого проекта, но было решено, что она «должна поддерживать усилия французского политика и стараться модифицировать его взгляды в духе, выгодном для Польши» (40, с. 279).

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА БАЛАНСИРОВАНИЯ И КРАХ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ, (1930–1939 гг.)

Международные отношения предвоенного десятилетия относятся к одной из наиболее изученных тем в польской историографии. Особое внимание уделяется судьбе Польши и польской политике Франции в 1939 г.¹⁸.

На рубеже 1920–1930-х годов начался новый этап в развитии международных отношений. Он характеризовался острыми межгосударственными конфликтами, образованием очагов военной опасности в Германии и на Дальнем Востоке. А его итогом стало крушение Версальско-Вашингтонской системы.

Нарастанию негативных тенденций в международной жизни способствовали экономический кризис 1929–1933 гг. (так называемый Великий кризис), а также укрепление позиций праворадикальных организаций и приход к власти в ряде капиталистических государств фашистских и милитаристских группировок. Даже в некоторых демократических государствах развивалось фашистское движение. Как пишет К. Каня, в Великобритании действовал Британский союз фашистов под предводительством О. Мосли, девизом которого был лозунг «Британия – Первая» (32, с. 179–180).

В то время с новой остротой встала проблема выплат репараций. Как пишет Я. Киверская, экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 г. с краха на нью-йоркской бирже, так «сильно затронул Европу, что поставил всех должников Америки в необычайно сложное положение» (35, с. 31). В связи с этим президент США Г. Гувер 5 июня 1931 г. провел переговоры со своими ближайшими соратниками и представил им проект моратория на все выплаты на время кризиса. Он означал также связывание долгов с репарациями, чего в 1920-е годы американцы всячески избегали. Когда же стало очевидно, что экономическая ситуация в Германии резко ухудшилась и кризис коснулся Рейхсбанка, Гувер объявил годичный мораторий на военные долги. Самая острая реакция на

¹⁸ См., например: *Szubański R.* Plan Operacyjny Wschód. – Gdańsk: Wydaw. ZP, 2010. – 188 s.; *Zacharias M.J.* Sytuacja międzynarodowa i polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej w świetle polskich dokumentów dyplomatycznych z 1939 r. // *Dzieje najnowsze.* – Wrocław etc., 2006. – R. 38, N 2. – S. 141–162; *Żukowski P.M.* Francuska polityka zagraniczna od marca 1938 do sierpnia 1939 r. w świetle polskiej prasy politycznej // *Prace historyczne.* – Kraków, 2004. – Z. 131. – S. 171–191.

это последовала со стороны Франции. Речь шла не только о том, что Вашингтон перед принятием моратория не проконсультировался с Парижем, но и о том, что «Германия теперь никогда не выполнит наложенные на нее платежные обязательства» (35, с. 32). Французы требовали от США гарантий выполнения плана Янга¹⁹ и обещаний от Германии сохранять статус-кво в Европе и отступить от военных планов. Но американцы «признали французские требования неприемлемыми» (там же).

Тем не менее в целях пропаганды мира и международного согласия действовал целый ряд международных организаций. Особые симпатии вызывала у американцев Лига Наций, которой были перечислены огромные пожертвования. В то же время США были страной, не ратифицировавшей Версальский мирный договор, чему, по мнению Р. Новачевской, способствовали «возвращение к изоляционизму и стратегические ошибки Вудро Вильсона...» (61, с. 42). С Р. Новачевской полемизирует Я. Киверская, которая пишет, что к 1930-м годам США стали ведущей державой мира по экономическим и финансовым показателям и проводили активную внешнюю политику, поэтому «возвращение к изоляционизму XIX века, когда США были страной с более слабым экономическим положением и ограниченными политическими амбициями, было невозможным» (35, с. 17).

Доктор истории П. Ружаньский справедливо отмечает, что 1930-е годы были тяжелым периодом в истории Второй Речи Посполитой. Помимо напряженных отношений с соседними государствами Польша «должна была бороться с очень тяжелым экономическим кризисом» (71, с. 63). С Ружаньским соглашается Л. Мочульский, который пишет, что «в Польше Великий кризис почувствовали очень сильно. Государство было молодым, экономика не окрепла, сильные финансовые связи с Францией и торговые с Германией привели к тому, что депрессия началась довольно быстро» (57, с. 50). Германия и СССР, как отмечает Ружаньский, «не смирились с возрождением Польской Республики, что дополнительно усиливало экономические проблемы восстановленного государства, ведь иностранный капитал не видел смысла либо интереса в размещении средств в политически нестабильном регионе» (71, с. 63). А Л. Мочульский видит прямую связь между

¹⁹ План Янга (автор – президент компании «Дженерал электрик» Д. Янг), утвержденный 20 января 1930 г., определял порядок взимания репараций.

мировым экономическим кризисом и «ритмом европейских событий, ускоренным и все более драматичным» (57, с. 51).

И действительно, в начале 1930-х годов происходят качественные изменения в развитии международных отношений, связанные с переходом от дипломатической к силовой ревизии Версальско-Вашингтонской системы. Первым шагом в этом направлении стало вторжение Японии в Северо-Восточный Китай. Таким образом был создан очаг войны на Дальнем Востоке. Другим шагом стал приход нацистов к власти в Германии 30 января 1933 г., что ознаменовало собой образование очага военной опасности в центре европейского континента. Как отметил Х. Батовский, на рубеже 1932–1933 гг. «закончилась эра Веймарской Германии» и у власти оказалась партия А. Гитлера, имевшая «крайне антидемократическую и шовинистическую сущность...» (13, с. 174). А. М. Ярнецкий справедливо замечает, что «с начала 30-х гг. Версальская система вместе со своей локальной мутацией подвергалась все более явному ослаблению и деструкции» (28, с. 155).

В начале нового этапа международных отношений, 15 января 1931 г., Польша продлила военный союз с Францией, подписав новый гарантийный договор, а 20 июня 1931 г. заменила старую военную конвенцию новым соглашением. В связи с довольно долгой историей существования польско-французского союза польские историки обращаются к вопросу о том, какую роль в польско-французском союзе играла Польша. М. Гмурчик-Вроньская соглашается по этому вопросу с известным специалистом по польско-французским отношениям Х. Булхаком и пишет, что указанный союз «не был союзом двух равных партнеров» (21, с. 102). Булхак же прямо указывает, что для Франции Польша имела значение «только как антинемецкое государство» (цит. по: там же). Поляки в 1920–1930-е годы «не разглядели двуличной игры партнера, который, создавая убедительную видимость трактования Польши как первого союзника, *де-факто* (курсив автора. – О.Б.) предназначил для нее в своей политике и стратегии гораздо менее значимую роль» (15, с. 152).

К середине 1930-х годов сложились три центра мировой политики: блок милитаристских стран (Германия, Италия, Япония), коалиция западных демократических государств (Англия, Франция, США) и Советский Союз. А в марте 1933 г. Великобритания, Франция, Италия и Германия заключили так называемый «Пакт четырех» или, как его еще называют, пакт «согласия и сотрудничества». По сути это был очередной шаг на пути «умиротворения»

германского фашизма. Как пишет К. Федор, за Третьим рейхом «было признано право решать судьбу Старого Света» (19, с. 89). Первоначальный вариант пакта фактически отменял военные статьи Версальского договора, но англичанам и французам удалось внести в него поправки, смягчившие антиверсальскую направленность соглашения. Тем не менее пакт остался прогерманским. Т. Куляк констатирует, что «Пакт четырех» был «небезопасен для Польши, так как его 2-я статья декларировала ревизию территориальных условий (любых. – *О.Б.*) трактатов, а статья 3-я открывала возможность получения Германией равных прав в вопросе наращивания вооружений» (44, с. 30).

Х. Булхак поднимает вопрос о том, могла ли Польша стать брешью во французской системе союзов, окружавших Германию, и «разбить польско-французские клещи вокруг этой страны» (15, с. 51). Отдельное соглашение Польши с Германией ослабило бы позиции Франции в отношении Берлина, а францужско-немецкое сближение ослабило бы позиции Польши в отношении Рейха. В Варшаве, как указывает Булхак, «всерьез ставили под сомнение существование французской системы (союзов. – *О.Б.*), окружавшей Германию» (там же, с. 51). Существование «польско-французских клещей» вокруг Третьего рейха тоже ставилось под сомнение. И в целом политика Франции 1933 г. лишила Пилсудского «надежды на создание на практике таких клещей, не говоря уже об их применении» (там же). Наиболее правдоподобным объяснением политики Польши в отношении Франции Х. Булхак считает следующее. Со стороны Пилсудского «была лишь игра с Францией, создание видимости (союзнических отношений. – *О.Б.*) или поиск объяснений и справедливости, а приоритетом и основной целью политики маршала стало с самого начала создание *modus vivendi* с Германией» (там же, с. 52).

В историографии современной Польши отмечается, что в условиях коренных изменений международных отношений в Европе и мире польский МИД вынужден был сформулировать основные принципы новой внешней политики – политики балансирования. В ее основе была линия «равного удаления» от двух главных врагов Польши – Германии и СССР. Варшаве следовало не допускать их сближения на антипольской платформе. Я. Киверская пишет, что в действительности вышеуказанная линия «не означала нахождения «на равном удалении» от Германии и Советского Союза. Не секрет, что от Варшавы до Берлина было значительно ближе, чем до Москвы – не только в географическом, но и в политическом смысле»

(36, с. 256). Польским политикам, особенно министру иностранных дел Ю. Беку казалось, что хорошие отношения с Третьим рейхом принесут больше выгод, а добрососедских отношений с Москвой достичь трудно. Киверская констатирует, что «Польшу от СССР отделяло почти все» (там же).

Тем не менее реализация нового внешнеполитического курса началась с заключения в 1932 г. польско-советского договора о ненападении сроком на три года (пакт был продлен в мае 1934 г.). В ходе сложных и длительных переговоров Польша, по утверждению З. Ландау и Е. Томашевского, «безрезультатно старалась, чтобы ее признали своего рода представителем интересов других соседей СССР, особенно Румынии» (81, с. 310). В Москве считали, как продолжают польские историки, что заключение данного пакта будет способствовать более тесному сотрудничеству с Польшей, в то время как поляки опасались подобного развития событий. Варшава полагала, что любой шаг, помогающий СССР вернуть позиции сверхдержавы, противоречит государственным интересам Польши. С таких же позиций поляки смотрели на советско-французское и советско-чехословацкое сближение. З. Ландау и Е. Томашевский в отличие от российского исследователя М.И. Мельтюхова не признают, что Варшава рассматривала договор с СССР в качестве «гарантии от войны на востоке» (6, с. 129).

Однако, по мнению В. Матерского, факт заключения польско-советского договора о ненападении, «явился сигналом к возможности дальнейшего укрепления контактов с Москвой, вплоть до эвентуального политического союза с СССР, что представляло собой очень серьезное средство давления – прежде всего на Германию» (7, с. 98). Другой польский историк, М.К. Каминский, пишет, что «у польской стороны не было иллюзий относительно мирных намерений Советского Союза», поэтому она обеспечила себе возможность «выйти из пакта в случае агрессивных действий Советов» (31, с. 15–16).

Польско-советский договор не был единственным в польской системе двусторонних союзов. З. Ландау и Е. Томашевский отмечают, что приход А. Гитлера к власти в Германии «неожиданно создал шанс заключить польско-немецкое соглашение» (81, с. 311). В январе 1934 г. была подписана польско-германская декларация сроком на десять лет. Среди сторонников находившегося у власти в Польше режима «санации» превалировало убеждение в том, что Гитлер, как австриец, не должен следовать прусским традициям, а «провозглашенный им национализм не

исключает соглашения с Польшей» (81, с. 311). В течение 1933 г. проходили взаимные зондажи, которые закончились переговорами и подписанием польско-немецкой декларации. Ландау и Томашевский считают, что эта декларация имела бóльшее значение, чем польско-советский пакт, так как гарантировала восточную границу Польши и давала ей возможность предъявлять претензии к Австрии и Чехословакии. Демонстративные визиты политиков давали повод говорить о далеко идущем польско-немецком сближении, но «за этой вуалью скрывалось взаимное недоверие» (там же). Варшава восприняла подписание декларации как «признание державной позиции Польши» и в будущем, как справедливо отмечают историки, многие «польские шаги облегчили гитлеровской дипломатии достижение ее целей» (там же). На решение Ю. Пилсудского заключить договор с Германией повлиял еще один фактор. В марте 1933 г. он предложил Франции совместно начать «превентивную войну» против Германии с целью помешать последней восстановить ее военный потенциал. Франция не могла принять подобное предложение с точки зрения здравого смысла и Пилсудского «обвинили в сумасбродстве» (там же).

Тем не менее договор с СССР и декларация с Германией позволили Польше достигнуть желаемой цели – пребывать «на равном удалении» от Москвы и Берлина. Правда, как пишет известный польский историк-международник А. Скшипек, Ю. Пилсудский в 1934 г. считал, что СССР – «более опасный противник Польши, чем Третий рейх в категориях воздушно-десантных и танковых войск, с одной стороны, и отсутствия (в Польше. – *О.Б.*) обязательной военной службы – с другой» (77, с. 161).

Польские историки подчеркивают, что в польских политических кругах существовали разные мнения о польско-германской декларации. Для Ю. Бека и тогдашнего МИДа она была необязательной составляющей польской внешней политики, поскольку они считали, что немецкий нацизм «не является для Польши опасным противником» (74, с. 139). А генерал В. Сикорский придерживался противоположного мнения и признал вышеуказанную декларацию «вредной для Польши» (там же).

Еще до заключения польско-германской декларации, в 1932–1933 гг., в Женеве прошла Всемирная конференция по сокращению и ограничению вооружений под предводительством Лиги Наций. Историк Т. Куляк пишет, что в ней приняли участие 60 государств, в том числе и Польша. Последняя искала «гарантий

своей безопасности, к чему обязывало ее геополитическое положение, а также небольшие возможности вооружиться, ограниченные скромным экономическим потенциалом государства» (44, с. 29). Кроме того, поляки выступали против изменения военного статуса Германии, определенного Версальским договором. Однако западные державы лишили Польшу возможности участвовать в переговорах о предоставлении Германии равноценных другим странам возможностей перевооружиться. Тем не менее пять великих держав, вопреки протестам Варшавы, 11 декабря 1932 г. приняли декларацию о равноправии Германии в вопросе о вооружениях. Некоторые немецкие министры, несмотря на уступки западных держав, советовали Гитлеру «уйти с конференции», чтобы «избавиться от всех сковывающих Рейх договорных ограничений» (13, с. 182). Однако Гитлер решил занять выжидательную позицию, чтобы «лучше сориентироваться в ситуации» (там же).

В тот же период Польша отказалась от участия в военно-политическом блоке «Восточное Локарно», создававшемся Францией. Этот блок должен был стать главным звеном системы коллективной безопасности в Европе. Варшава мотивировала свой отказ недоверием к многосторонним договорам, стремлением обеспечить собственную безопасность двусторонними соглашениями. По мнению З. Ландау и Е. Томашевского, Польша игнорировала «все проекты системы коллективной безопасности, которые могли бы вовлечь Советский Союз в более широкое международное сотрудничество» (81, с. 310). В Варшаве боялись многосторонних соглашений еще и потому, что они могли лишить «польскую политику в отношении соседей самостоятельности» (там же).

Польские исследователи выделяют и другие причины, по которым Польша отказалась от участия в предлагавшемся Парижем «Восточном Локарно», основой которого должен был стать Восточный пакт. По мнению торуньского историка М. Волоса, французский проект Восточного пакта можно рассматривать «как элемент реализации идеи европейской интеграции, так и как элемент политики коллективной безопасности, французской политики в отношении Германии и Советского Союза, наконец, как элемент гегемонистской политики Парижа в отношении малых государств Центральной и Восточной Европы» (87, с. 175). Предполагалось, что Восточный пакт будет заключен в три этапа. На первом этапе планировалось подписание регионального пакта о взаимопомощи между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией, Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией. Второй этап – заключение советско-

французского договора, по которому СССР обязался бы выполнять положения Рейнского пакта 1925 г. Последний этап – заключение так называемого Генерального акта, в котором Франция и участники регионального пакта признали бы, что заключенные ими соглашения «не нарушают прав и обязательств договаривающихся сторон, а также других государств – членов Лиги Наций» (87, с. 176). К идее данного союза Францию подтолкнула нацистская Германия, которая в 1933 г. вышла из Лиги Наций. Восточный пакт был направлен «на нейтрализацию немецких ревизионистских тенденций, что было быстро и безошибочно прочитано в Германии» (там же). По этой причине Берлин отказался присоединиться к Восточному пакту. Как отмечают польские историки, Польша еще в ходе первых переговоров с французами высказала сомнения и опасения по поводу пакта. Она не понимала, почему данным договором не будут охвачены ее союзница Румыния и граничащая с СССР Турция. Кроме того, Варшава не желала оказывать помощь Чехословакии в случае агрессии и «не была склонна брать на себя дополнительные обязательства в отношении Литвы, с которой не поддерживала дипломатических отношений» (там же, с. 179).

Польский исследователь М. Мацевский пишет, что в 1930-е годы поляки в связи с возрастанием военной опасности в Европе пытались провести в жизнь одну из федеративных концепций пилсудчиков, сформулированную в начале 1920-х годов, – концепцию «Междуморья» («Интермарум»), т.е. создать военно-политический союз под предводительством Польши из государств, расположенных между Балтийским и Черным морями – Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, Венгрии, Румынии, Армении, Грузии. В кругах, близких к Пилсудскому, считали возможным присоединить к «Междуморью» «страны, находившиеся у Эгейского и Средиземного морей» (49, с. 152). Этот блок рассматривался как противовес Малой Антанте – союзу Чехословакии с Югославией и Румынией, последствий которого не без оснований опасались поляки. Однако концепцию «Междуморья» постигли неудачи на ряде конференций, и этот союз так и не был создан. Что же касается статус-кво в регионе Междуморья, то, как утверждает Л. Мочульский, его «фактическим гарантом... было существование Польши» (57, с. 31).

С концепцией «Междуморья» перекликаются взгляды известного общественно-политического деятеля Польши 1910–1940-х годов В. Студницкого, которые анализирует вроцлавский историк Г. Стшондала (78). Он пишет, что в начале 1930-х годов

один из способов улучшения международного положения Польши Студницкий видел в «создании блока центральноевропейских государств, основой которого должен был стать польско-немецкий союз» (78, с. 30). В данный блок предусматривалось включить, помимо Польши и Германии, Австрию, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Югославию, Грецию, Турцию и балтийские государства. Кроме того, Студницкий полагал, что в целях обеспечения безопасности Польши и всей Европы необходимо отделить от России Грузию, Азербайджан, Армению, Туркменистан и Сибирь. А достичь этой цели способен был, по его мнению, «только центральноевропейский блок, который мог бы попасть в Азию путем вовлечения в сферу своего влияния Турции» (там же, с. 31).

Неудачи идеи «Междуморья» объясняются также тем, что стремление Польши установить общую польско-венгерскую границу не нашло поддержки Италии, Венгрии и Румынии, которые не желали идти на конфликт с набирающей военную мощь Германией. А. Вольный подчеркивает, что «до 1933 г. силы Рейхсвера в количественном отношении соответствовали ограничениям, установленным Версальским договором» (88, с. 79). Тем не менее еще в январе 1931 г. в консульство Польши в Берлине поступила информация «о серьезном росте немецкого военного производства» (67, с. 112). Было выяснено, что заводы и предприятия Германии, а также их филиалы в Голландии, Швеции и Швейцарии «увеличили производство оружия и амуниции» (там же). Актуальной проблемой действующей германской армии была подготовка воинского резерва. Она осуществлялась в военных организациях, действовавших под вывесками гражданских. К важнейшим из них принадлежали Стальхельм, СА и СС, которые к началу 1933 г. подготовили более 13 млн. солдат. Стальхельм, к примеру, «не предпринимала прямых военных акций, но поддерживала и иногда инициировала подрывную деятельность других организаций» (41, с. 38).

В 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты. «1933 год начался событиями, – пишет Х. Булхак, – последствия которых как прямо, так и косвенно со временем должны были отразиться... на судьбах Европы и всего мира» (15, с. 9). Именно поэтому польские историки называют его «переломным годом в истории межвоенного периода, годом беспокойства и перегруппировки сил» (там же). В этом же году Германия вышла из Лиги Наций и началось ее активное перевооружение. А новая внешнеполитическая концепция Германии, разработанная Гитлером, включала в себя, в частности, отмену положений Версальского договора 1919 г.: снятие с

Германии военных ограничений, воссоздание полной военной мощи и возвращение территорий, потерянных по Версальскому договору; «собираение немецких земель» и проведение «истинно арийской политики в Европе», превращение Германии в доминирующую державу в Центральной Европе путем аннексии или нейтрализации Австрии, Чехословакии и Польши; устранение такого потенциального противника как Франция; завоевание «жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация» – покорение Европейской России, разгром Англии и захват ее колоний, превращение Германии в великую и непобедимую мировую державу – «тысячелетний рейх». Было широко известно, что фюрер собирался реализовывать свои планы далеко не мирными средствами. А. Возьный обобщает политические цели Германии так – «перечеркивание итогов Первой мировой войны и обретение господства над миром» (88, с. 148). Свое определение задач Берлина дает М. Гмурчик-Вроньская, которая пишет, что Гитлер «не только хотел уничтожить Польшу, но и думал о доминировании над миром» (22, с. 63). Но в польской историографии есть и противоположные комментарии стремлений нацистов расширить свое жизненное пространство. Создается ощущение, что современный польский исследователь ксендз З. Зелиньский оправдывает фашистов, утверждая, что Германия расширялась естественным путем, а «жизненное пространство – это обязательный атрибут развития (любой нации. – *О.Б.*)...» (93, с. 13).

Историк из Вроцлавского университета Т. Шеффлер отмечает, что первое время после прихода к власти в Германии Гитлера консервативная оппозиция полагала, что с ним можно вести диалог и даже разделить власть. Оппозиционеры тоже выступали за реорганизацию мирового порядка, но отличными от нацистских средствами. Одна из предлагавшихся концепций нового мирового устройства предполагала «создание около “исторических” и “природных” интеграционных центров ряда региональных конфедераций» (73, с. 300). Но если в начале пребывания у власти А. Гитлер еще ощущал противодействие оппозиции, то после смерти президента Гинденбурга (1934) его уже ничто не останавливало в проведении агрессивной политики.

В 1933 г. Германия предприняла ряд шагов, которые в будущем облегчили ее ремилитаризацию. Были созданы Совет Обороны государства, Авиационное министерство и Управление по делам вооружений. К весне 1934 г. в каждом военном округе образовывалось по одному полку пехоты, а сами округа расширились.

А. Возьный пишет, что «нарушение договорных запретов маскировалось разными способами, в частности путем увеличения количества вооружений и служб, существовавших легально» (88, с. 80). А Х. Батовский справедливо утверждает, что «сначала тайное, а потом полностью открытое перевооружение Германии и ее союзников, подрывающее деятельность, связанную со всеобщим разоружением..., с середины 1930-х гг. подготавливало дестабилизацию и постепенный распад созданного трактатами 1919–1920 гг. порядка, которому Лига Наций старалась покровительствовать» (13, с. 395).

Доктор истории М. Гурный из Центра исторических исследований ПАН в Берлине справедливо полагает, что «реминисценции поражения центральных государств, а также ощущение несправедливости у представителей некоторых народов, вытекающие из международных решений территориальных вопросов, принятых после окончания Первой мировой войны, были вопросом второстепенным, хотя в текущем моменте могли сыграть... роль важного катализатора политических процессов в Италии, Веймарской Германии и некоторых государствах Центральной Европы» (64, с. 296). И поляки следили за изменениями международной обстановки. 8 августа 1934 г. Ю. Пилсудский выслал в Австрию и Германию генерала К. Фабрыцы и двух офицеров с целью оценить проблему возрастания немецкой угрозы для Польши. В ходе этой и других поездок было подтверждено «изменение тактики гитлеровцев в Австрии...» (88, с. 226).

Во второй половине 1930-х годов соотношение сил между мировыми центрами менялось в пользу милитаристских держав. Это было связано с тем, что политика «умиротворения» западных держав, надеявшихся на столкновение фашизма с большевизмом, приобрела необратимый характер, а СССР не мог в одиночку противостоять фашистской угрозе. В октябре 1935 г. фашистская Италия начала военную операцию по захвату Эфиопии, «последнего независимого государства в Африке, если не считать находившуюся под сильным американским влиянием Либерию» (13, с. 234). Но дипломатическая подготовка операции началась раньше – в январе 1935 г., когда Франция по «Римскому пакту» уступила Италии часть своих африканских колоний на подступах к Эфиопии. Реакция западных держав и Лиги Наций на итало-эфиопскую войну с формальной точки зрения была жесткой, но по сути малоэффективной, что стало проявлением политики «невмешательства». А в 1938 г. Великобритания и Франция признали «императором Эфио-

пии» итальянского короля. Х. Батовский пишет, что «это была полная капитуляция двух держав перед фашистской агрессией» (13, с. 237).

Параллельно с изменением соотношения сил происходило формирование «оси Берлин–Рим–Токио». В октябре 1936 г. был подписан итало-германский Протокол о сотрудничестве (соглашение «Чиано–Риббентроп»), по которому Германия официально признавала захват Италией Эфиопии, разграничивались сферы влияния на Балканах и в Дунайском бассейне, согласовывались планы совместных действий в Испании. 25 ноября 1936 г. Германия и Япония заключили «Соглашение против Коммунистического Интернационала». В ноябре 1937 г. к антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия. К этому времени Япония признала аннексию Эфиопии и высказалась в поддержку итало-германской политики в Европе. Италия и Германия в свою очередь признали Маньчжоу-Го и одобрили внешнеполитический курс Японии в Азии. Таким образом, возник блок Берлин–Рим–Токио, а угроза войны приобрела глобальный характер. Правда, как пишет Х. Батовский, данное сотрудничество «маскировалось антикоммунистической идеологией» (там же, с. 256).

В условиях напряженной международной жизни в 1937 г. Польша всячески пыталась повлиять на великие державы с целью ее включения в переговоры о новом Западном пакте. Доктор истории, профессор М. Новак-Келбикова из Института истории ПАН пишет, что «основная деятельность польской дипломатии концентрировалась в Париже, но в связи с ее неудачей министр иностранных дел Юзеф Бек, исходя из утверждения, что позиция Франции в большой степени будет зависеть от британского мнения, пытался добиться благосклонности Лондона для польских стараний» (59, с. 3).

Поляки не желали, чтобы в 1937 г. повторилось Локарно, т.е. такая ситуация, при которой политико-правовое положение западных и восточных границ Германии отличалось бы в ущерб Польше. Поэтому польские дипломаты хотели включиться в процесс обсуждения планировавшегося Западного пакта и предложили Лондону начать официальный обмен нотами по этому вопросу. В пакте должны были принять участие Великобритания, Франция, Италия, Германия и Бельгия. Планировалось подписать два соглашения, из которых и должен был состоять пакт: франко-британско-германское и франко-британско-итальянское. Но поляки настаивали на третьем – франко-германско-польском. Они добивались также,

чтобы польско-французский союз, в случае агрессии третьей страны в отношении Польши, не был зависим от решений международного сообщества. При этом Ю. Бек дал понять великим державам, что «если интересы Польши будут учтены, то в крайней международной ситуации она выступит на стороне Франции и Великобритании» (59, с. 4).

Великобритания же не желала учитывать польские интересы, а стремилась к заключению двусторонних соглашений с Германией и Италией. Английский посол в Варшаве Х. Кеннард считал, что в конце 1930-х годов в британско-польских отношениях «по сравнению с масштабами основных проблем международной политики не было места вопросу о Западном пакте» (там же). Тем не менее англичане изначально не были против вовлечения в переговоры о пакте Польши и Чехословакии. Правда, этим количество государств Восточной Европы ограничивалось, так как германское правительство «не желало расширять список стран, охваченных переговорами» (там же).

По итогам первых переговоров, Польша 30 июля 1937 г. получила от англичан приложение к меморандуму, содержащее основные принципы будущего пакта. Первый из них касался обязанности о ненападении договаривающихся сторон и помощи в случае агрессии в отношении одного из участников пакта. Второй принцип говорил об уделении помощи страной – участницей пакта государству, не участвовавшему в нем, в случае нападения на последнее одного из участников договора. В третьем пункте было сказано, что рассматривать вопрос о нарушении пункта о ненападении должна беспристрастная международная организация. Четвертый пункт предусматривал дискуссии и переговоры по вопросу о том, каким образом должны быть сформулированы вышеуказанные пункты договора. По мнению М. Новак-Келбиковой, «создавалась ситуация, при которой в игре могли участвовать интересы Польши..., имеющей все более ярко вырисовывающиеся территориальные противоречия с Третьим рейхом» (там же, с. 7).

В ответ на британское приложение к меморандуму польское правительство 27 августа 1937 г. довело до сведения Лондона свой меморандум. В нем было сказано, что «вопрос о безопасности Польши не может быть обойден вниманием в будущем договоре...» (там же). Было также внесено официальное предложение о заключении франко-германско-польского пакта. Польская сторона утверждала, что в связи с договорами, которые Варшава имеет с европейскими странами, она должна сыграть свою роль «в работе

над консолидацией политической ситуации в Западной Европе» (59, с. 7). Как утверждает М. Новак-Келбикова, поляки угрожали прервать сотрудничество с западными державами, если «пакт, затрагивающий интересы Польши», будет обсуждаться «без ее участия» (там же).

В Лондоне считали, что польский меморандум создаст «еще более многогранную и без того уже сложную ситуацию на переговорах» (там же, с. 8). К тому же «Форин Оффис» выразил нежелание связать Западный пакт с положениями, касающимися Восточной Европы. Более того, Великобритания считала, что польские дела лежат в сфере интересов Франции, а значит, необходимо, чтобы французское правительство решало их в одностороннем порядке. М. Новак-Келбикова отмечает, что французский МИД не стал критиковать позицию Лондона, но уточнил, что ему необходимо выработать «свою манеру отношения к польской стороне в связи с союзом двух государств и улучшением отношений между ними...» (там же). В то же время министр иностранных дел Франции И. Дельбо посетовал на то, что Ю. Бек неясно сформулировал на выступлении в Париже позицию Польши по Западному пакту, а это означает, что до выяснения данной проблемы «лучше оставить ее в покое» (там же). Из позиции британского «Форин Оффис», по мнению М. Новак-Келбиковой, видно, что «надежды, какие польский МИД связывал с получением приложения к британскому меморандуму, побудившие польскую сторону предпринять официальные шаги в Лондоне, оказались необоснованными» (там же, с. 8–9). Это произошло не только по причине «негативной оценки британцами польских предложений, но также из-за провала международных переговоров вследствие все более выявляющейся разницы в позициях держав, и в этой ситуации все ярче проявляющейся в Лондоне тенденции к заключению двусторонних соглашений с государствами Оси» (там же, с. 9). В частности, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен высказывался в то время за «дружеские отношения с Германией и Италией», после чего политика Лондона «эволюционировала в сторону попыток начать двусторонние контакты с Третьим рейхом» (там же).

В 1938 г. помимо Гражданской войны в Испании разразились два острых международных кризиса – «австрийский» и «чехословацкий». Главной причиной обоих было проведение в жизнь нацистской программы «собираания немецких земель». Весной 1938 г. германские нацисты осуществили аншлюс Австрии, на который не отреагировала Лига Наций. В сентябре 1938 г. Герма-

ния, Италия, Англия и Франция подписали Мюнхенское соглашение. Его содержание сводилось к следующим положениям: Чехословакия передавала Германии Судетскую область вместе со всеми находящимися на ее территории военными сооружениями, а чехословацкое правительство обязывалось в трехмесячный срок «урегулировать» вопросы, касающиеся польского и венгерского национальных меньшинств. Впрочем, польские историки обвиняют в бездействии в период чехословацкого кризиса и Советский Союз, который «тоже не хотел защищать Чехословацкое государство перед Третьим рейхом» (31, с. 19). В то же время о вине Польши в польской историографии нет ни слова. Так, например, Я. Моравяк пишет только о том, что если в сентябре 1938 г. западные державы еще считали Варшаву равноправным партнером, то в недалеком будущем она могла стать их очередной жертвой (58, с. 331).

Советский Союз же предстает в трудах польских историков потенциальным агрессором. Так, например, Л. Мочульский утверждает, что «уже в 1938 г. Сталин решил на вооруженное выступление, хотя и собирался проводить войну, ограниченную захватом какой-либо добычи. К этой мысли он привык и в 1939 г. уже не встречал никакого сопротивления, речь шла лишь о выборе подходящего момента» (57, с. 852–853).

А другой современный польский историк В. Марконь отмечает, что «кризис Чехословацкого государства в 1938 г. принес увеличение интереса проблемой Заользья» (50, с. 4). Польша приняла активное участие в расчленении Чехословакии, начав планировать захватнические действия еще в 1935 г. Интересно, что с этого же года в Генеральном штабе Германии разрабатывался план занятия Чехословакии, «которая препятствовала военной концентрации (немецких войск. – *О.Б.*) в Силезии перед возможным нападением на Польшу...» (88, с. 243). А сразу после окончания Мюнхенской конференции Польша приступила к оккупации чехословацкой Тешинской Силезии. Я. Моравяк утверждает, что «это была территория, заселенная преимущественно польским населением, ощущающая сильную связь с пястовской землей²⁰» (58, с. 329).

Действия Варшавы были прямым нарушением польско-чехословацкого договора 1926 г. Поляки пытались объяснить их

²⁰ Польские историки иногда называют Польшу пястовской землей или землей Пястов по названию первой княжеской династии, чтобы подчеркнуть историческую преемственность между средневековым Польским государством и Польшей новейшего времени.

необходимостью восстановления исторической справедливости и воссоединения с отчизной польского населения Заользья. Как бы оправдывая действия поляков в отношении Праги, А. Вольный пишет, что «на протяжении почти всего межвоенного двадцатилетия польско-чехословацкие отношения не были радужными, несмотря на то, что случались периоды взаимного сотрудничества» (88, с. 236).

Еще один польский историк А. Лушчиньский указывает на глубокие различия в развитии Польши и Чехословакии как на корни польско-чехословацкого конфликта. «Несмотря на географическую близость, – утверждает он, – эти два государства создали совершенно разные модели функционирования в ситуации отсутствия полного государственного суверенитета, а впоследствии, после 1918 года, перенесли эти различия на видение (своего. – *О.Б.*) функционирования в условиях независимости» (47, с. 357). При этом он настолько возвеличивает статус Польши и умаляет роль Чехословакии, что пишет следующее: «На примере Чехословакии проблема национальных меньшинств и способ ее решения свидетельствовали о существовании этого государства» (там же, с. 362).

Впрочем, министр иностранных дел Польши Ю. Бек в радиообращении к польскому народу 1 октября 1938 г., «подчеркивая... окончательный успех, связанный с вопросом о тешинской земле, отнесся с уважением к побежденному противнику, утверждая под конец, что последнее событие не является победой над “вчерашним противником”, а лишь справедливым решением давнего спора» (58, с. 329–330). Действия поляков были одобрены Италией, Германией, Ватиканом и Венгрией, но встретили критику со стороны правительства французских социалистов, «обвинившего Польшу в отсутствии тактичности в отношении Чехословакии» (там же, с. 332).

Тем не менее, как пишет историк из Вроцлавского университета Я.Р. Селезин, в Польше и Чехословакии были политические деятели, стремившиеся преодолеть кризис в двусторонних отношениях. К ним относился, в частности, польский генерал В. Сикорский, который с середины 1930-х годов пытался провести в жизнь идею польско-чехословацкой федерации. Селезин справедливо отмечает, что польско-чехословацкие отношения «с 1930-х гг. складывались не лучшим образом по вине обеих сторон», поэтому Сикорский стремился «добиться их улучшения» (74, с. 137). Он поддерживал частные контакты с послом Чехосло-

вакии в Польше Ю. Славиком, дружелюбно настроенным в отношении Варшавы. А 2 января 1936 г. Сикорский встречался с президентом Чехословакии Э. Бенешем, от которого получил заверения в благожелательной позиции Праги в отношении Польши. Э. Бенеш, как утверждает М. Ярнецкий, «не принадлежал к сторонникам близкого сотрудничества с Польшей», но ощущение опасности со стороны Германии влияло на правящую элиту Чехословакии и способствовало ее «готовности оказать помощь Польше, пусть даже пассивную» (28, с. 122). Вопрос о создании польско-чехословацкой федерации не удалось решить до нападения Германии на Польшу, поэтому более тесные контакты Сикорского с чехословацкими политиками «начались лишь осенью 1939 г.» (78, с. 140).

Польские исследователи объясняют провал попытки создания польско-чехословацкого союза либо конфедерации накануне Второй мировой войны различными оценками внешних угроз. Так, М.К. Каминьский пишет, что «под конец 1930-х гг. Чехословакия и Польша были особенно подвержены опасности экспансии со стороны Германии Адольфа Гитлера и Советского Союза Иосифа Сталина. Для Чехословакии угрозу представлял собой прежде всего Третий рейх, а для Польши в такой же степени создавали опасность оба больших соседа» (31, с. 15).

В польской историографии отмечается, что военные операции Польши конца 1930-х годов коснулись не только Чехословакии. Поляки, также как немцы и итальянцы, «поддерживали венгерские стремления присоединить Закарпатскую Русь и южную часть Словакии» (58, с. 341). Польские спецслужбы совместно с венграми участвовали в террористических акциях в Закарпатской Украине. Местное население оказывало им сопротивление, и за это Закарпатская Русь 1938–1939 гг. получила в польской историографии название «украинский Пьемонт» (28, с. 216). Впрочем, даже в этих вопросах Варшава проводила противоречивую политику, о чем свидетельствовала поддержка ею «желаний Словакии получить автономию» (58, с. 341).

В современной польской литературе анализируется непростой и слишком короткий период существования автономной Закарпатской Украины. М. Ярнецкий указывает, что во второй половине 1938 г. автономия Закарпатской Руси, за которую боролись карпатские украинцы, «стала, наконец, фактом» (28, с. 216). На объединение с ней рассчитывали и закарпатские венгры. Но уже первые дни существования автономии были трудными из-за слож-

ной международной обстановки. К тому же неясную позицию по закарпатскому вопросу заняли русины, «неоднократно поддерживавшие в новых обстоятельствах венгров» (28, с. 216).

Первое заседание автономного закарпатского правительства состоялось 15 октября 1938 г. Его премьер-министр Бродий настаивал на присоединении «русских районов» в Карпатах и создании «единой свободной страны от Попрады до Тиссы» (там же). Более того, представители нового государства, называемого тогда Закарпатской Украиной, всячески пытались создать себе независимые от чехословацкой администрации условия существования на все еще подчинявшейся ей территории, которая начала играть роль «украинского Пьемонта». Однако по итогам Венского арбитража, урегулировавшего отношения Закарпатской Украины с Венгрией и Словакией, автономия лишилась двух территорий общей площадью 1523 км², а закарпатское правительство было вынуждено переехать в маленький городок Хуст. Украинцы потеряли часть железнодорожных путей и магистралей, а также 1/3 деревни, где процветало виноградарство. Это вызвало новое обострение ситуации в Закарпатской Украине с применением террора. В глазах Польши, обнаружившей 20 ноября 1938 г. соответствующий меморандум, обстановку можно было улучшить следующим образом: «в (Закарпатской. – *О.Б.*) Руси необходимо создать чехословацкое государство и такое же мышление» (там же, с. 221).

В течение ряда лет на территорию Закарпатской Руси проникали активисты Организации украинских националистов, которые были в большинстве своем галичанами. Их наличие в «украинском Пьемонте», как пишет М. Ярнецкий, «было своего рода вызовом для польских властей» (там же, с. 226). В ответ на повстанческие действия украинцев в октябре-ноябре 1938 г. поляки предприняли совместно с венграми акцию «Лом». М. Ярнецкий полагает, что короткая жизнь автономной Закарпатской Украины была предопределена «политической проблематикой» (там же, с. 233). Руководители автономии «в большой спешке и напряжении, делая при этом существенные ошибки, пытались создать основы нормального государства» (там же, с. 233–234). Это привело к ее краху и полному подчинению Чехословацкому государству. Ярнецкий пишет, что в Праге «не могли согласиться с мыслью об отказе от территорий (Закарпатской. – *О.Б.*) Руси... в пользу одного из соседей, иногда даже указывая на Польшу» (там же, с. 235).

Тем не менее в польской историографии существует более оптимистический взгляд на возможности Закарпатской Украины

сохранить свою автономию, например, путем заключения союза с Польшей. Вроцлавский историк Г. Хрычук пишет, что Закарпатская Русь находилась в состоянии экономического упадка, а у Польши были напряженные отношения с Третьим рейхом, и это «могло вызвать у польских властей желание заключить какое-либо польско-украинское соглашение, провести польско-украинские контакты и переговоры» (26, с. 231). Правда, на деле в 1938–1939 гг. никакого соглашения между Польшей и Украиной заключено не было.

Польша тоже находилась в затруднительной ситуации. Правда, до конца 1930-х годов Берлин не демонстрировал полякам свои захватнические цели. Он стремился использовать Польшу в своих внешнеполитических интересах. Так, 2 мая 1933 г. в разговоре с послом Польской Республики А. Высоцким Гитлер продемонстрировал желание сблизиться с Польшей на антисоветской основе. По мнению польского историка С. Жерко, это была попытка провести в жизнь тактику «мирного наступления», имевшую целью убедить мировую общественность «в отсутствии агрессивных намерений нацистского рейха» (94, с. 250).

Изначально поляки надеялись, что Гитлер как австриец «направит свою экспансию скорее на Юг, чем на Восток» (88, с. 148). Но эти надежды оказались безосновательными и уже в ноябре 1938 г. (а затем в марте 1939 г.) немцы предъявили Польше ряд невыполнимых требований, ограничивавших ее суверинитет. Среди них были требования передать Данциг (Гданьск) Третьему рейху, согласиться на строительство автострады и железнодорожной линии через Поморье в Восточную Пруссию и др. Первопричиной возникшего конфликта были общие стратегические установки Германии, нашедшие отражение в утвержденном 11 апреля 1939 г. плане «Вайс» – о вторжении в Польшу «в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.», с целью завоевания жизненного пространства на Востоке Европы. Л. Мочульский пишет, что Гитлер оценивал получение Гданьска и других территорий как символическое, но при этом для него «самым важным было стратегическое положение Германии, Польшу же следовало склонить к уступкам, так как место ее в лагере стран Оси» (57, с. 404).

В связи с этим необходимо обратиться к значению мюнхенского сговора для Польши и всего мира. Мюнхенское соглашение было победоносной сделкой для фашистских государств и позорной – для западных демократий. Оно «взорвало» Версальский миропорядок, фактически уничтожило версальско-локарнские договоренности. Как пишет Я. Моравяк, «Мюнхен и его результаты

были полной победой только одного государства – Третьего рейха и поражением государств, создавших постановления Версальского договора, благодаря которым и появилась послевоенная Польша, и заботившихся о них» (58, с. 331). Более того, 1 октября 1938 г. Лига Наций исключила из своего Устава статьи, касавшиеся Версальского договора, на основании которых она была создана. Перестали действовать франко-чехословацкий и чехословацко-советский пакты о взаимопомощи, Малая Антанта, французские союзные договоры. Германия же с помощью Мюнхена начала превращаться в господствующую державу Европы, получив 20% территории, 25% – населения и 50% – тяжелой промышленности Чехословакии. По этому поводу совершенно справедливо высказалась «Газета польска», которая 2 октября 1938 г. писала, что «подчинение Чехословакии Третьему рейху может изменить геополитическую ситуацию в Центральной Европе» (там же, с. 334).

Таким образом, политика «умиротворения», которую проводили западные державы, привела к ослаблению их позиций. Наконец, возникла реальная опасность международной изоляции СССР, которого отстранили от участия в урегулировании «чехословацкой проблемы». Об этом свидетельствовали также подписанные в сентябре и декабре 1938 г. англо-германская и франко-германская декларации, равнозначные пактам о ненападении. М.К. Каминский отмечает, что «британцы и французы старались не допустить войны, не чувствуя себя готовыми к ней» (31, с. 16). О попытках Парижа избежать нового международного конфликта пишет и исследователь из Уэльса доктор Д. Хаккер, который отмечает, что с Мюнхенского сговора «начался зенит французского пацифизма» (27, с. 432). Британский историк, так же как и польские исследователи, хотел сказать, что большинство французов верили в то, что Мюнхенское соглашение позволит избежать войны. С этой точкой зрения согласен и преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. ист. наук А.О. Наумов, который пишет, что «Великобритания и Франция предпочли уступить Центральную Европу Германии ради иллюзорного шанса на сохранение мира на континенте» (9, с. 372).

М. Гмурчик-Вроньская утверждает, что в связи с результатами Мюнхенской конференции французы полагали, что «после Чехословакии очередной жертвой или... союзницей Гитлера может стать Польша» (21, с. 103). После Мюнхена Франция «оказалась в необычайно сложном международном положении, грозившем ей изоляцией» (там же). «Соглашаясь на немецкие требования, – пишет М. Гмурчик-Вроньская, – она потеряла важного союзника,

каким была Чехословакия, и этим продемонстрировала, что она не в состоянии влиять на ситуацию в регионе Центральной и Восточной Европы» (21, с. 103). После потери Чехословакии Франция была связана союзническими договорами только с Польшей и Румынией, а «в месяцы, следовавшие за Мюнхеном, до 15 марта 1939 г., решалась судьба договора с Польшей» (там же).

Мюнхен стал прологом мировой катастрофы. В марте 1939 г. мир приближался к войне. В этой ситуации министр иностранных дел Польши Ю. Бек попытался создать союз с Великобританией. Британцы отреагировали на это вмешательством в румынские дела. После окончательного захвата венграми Закарпатской Руси и занятия немцами южного берега Немана, посол Великобритании Х. Кеннард обратился в польский МИД с вопросом, может ли Польша гарантировать границы Румынии в связи с угрозой немецкой агрессии. Проблема оказания помощи Бухаресту обсуждалась несколько недель. Великобритания плохо разбиралась в проблемах Центральной и Юго-Восточной Европы, поэтому Ю. Бек считал, что Лондон должен «принимать во внимание наши (польские. — *О.Б.*) аргументы» (57, с. 407). Таким образом, как указывает Л. Мочульский, «непосредственный контакт, изначально дружеский, был установлен...» (там же).

Правда, оформиться юридически польско-британскому союзу было не суждено. Британские предложения по вопросу о безопасности носили общий характер. Они сводились к тому, что правительства Великобритании, Франции и Польши должны были огласить общую декларацию, согласно которой «в случае угрозы безопасности и независимости какой-либо страны Европы эти правительства будут консультироваться между собой и совместно решать, какие шаги следует предпринять» (там же, с. 409). Участие Польши в этой декларации было признано обязательным. Правда, проект декларации, выработанный 19 марта 1939 г. в Лондоне, в связи с изменениями международной обстановки был неактуальным. Москву тоже планировалось привлечь к защите Румынии, но Мочульский считает, что Советский Союз хотел «использовать ситуацию в своих собственных целях: триумфально вернуться в европейскую политику в качестве одной из великих держав» (там же, с. 410).

Весной-летом 1939 г. фашистская Германия провела ряд агрессивных акций: ликвидировала Чехословацкую Республику, угрожая Литве, добилась передачи ей Клайпеды (Мемеля) с прилегающей территорией, заключила кабальный договор с Румынией.

В марте 1939 г. после оккупации Германией Чехословакии Англия заявила о гарантиях независимости Польши, стремясь остановить таким образом агрессию Гитлера. Однако 28 апреля 1939 г. Берлин денонсировал польско-германскую декларацию 1934 г. и начал подготовку к войне. Денонсирование польско-германской декларации сопровождалось «сильными атаками немецкой прессы на Польшу» (67, с. 117). Как пишет А. Пеплоньский, «эта пропагандистская акция должна была взволновать общественное мнение в момент ожидаемого начала войны» (там же).

Советскому правительству было известно, что Германия уже готовится к нападению на Польшу. Осознавая неизбежность войны и свою неготовность к ней, Советский Союз, оставленный за рамками Версальско-Вашингтонской системы, пошел на сближение с Германией. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, так называемый пакт Риббентропа–Молотова²¹. К нему был приложен секретный протокол о разграничении сфер влияния в Восточной Европе, который предусматривал, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. По сути Москва и Берлин договорились о судьбе Польши, фактически начав подготовку ее нового раздела. Маститый польский историк из Познанского университета им. А. Мицкевича Я. Войтковяк отмечает, что «известие о подписании советско-немецкого договора о ненападении от 23 августа 1939 г. поразило бóльшую часть тогдашнего мирового общественного мнения, а также немалой массы политиков и даже искушенных наблюдателей за политической сценой» (86, с. 164).

В то же время польское правительство знало о надвигавшейся военной угрозе и рассчитывало на помощь западных держав. 23 августа 1939 г. в Париже была сформулирована тайная дипломатическая нота о международном положении Польши в связи с ее сложными отношениями с Германией. О пакте Риббентропа–Молотова в ней не упоминалось. Отмечалось только, что польско-румынская военная конвенция предполагает защиту Польши только в случае советской агрессии. Из этой ноты следовало, что нападение Германии на Польшу не должно вызвать военной реакции

²¹ В польской научной литературе советско-германский договор о ненападении 1939 г. именуется пактом Риббентропа–Молотова, а не Молотова–Риббентропа, как в российской историографической традиции.

европейских государств. В тот же день министр иностранных дел Франции Ж. Бонне написал премьер-министру Даладьё, что польско-французский договор 1921 г. накладывает на Францию военные обязательства. Осенью 1939 г. сложилась ситуация наподобие сентября 1938 г., когда Франция, с одной стороны, пыталась любой ценой избежать войны, но с другой – понимала, что «этой войны уже нельзя избежать» (22, с. 58). Именно поэтому Даладьё в выступлении на радио 25 августа сказал, что «война против Польши означает также войну против Франции» (там же, с. 61).

30 августа 1939 г. состоялась встреча министра иностранных дел Франции Ж. Бонне и посла Польши в Париже Ю. Лукасевича, касавшаяся советско-германского пакта о ненападении. Французская сторона была осведомлена о сути секретного протокола к пакту Риббентропа–Молотова. Бонне на встречах с Лукасевичем косвенно намекал на этот протокол, но никогда не пересказывал его суть. Французский министр пытался выяснить, чувствует ли Польша угрозу со стороны СССР в связи с заключением советско-немецкого договора. Но Бонне столкнулся со скептическим отношением Лукасевича к информации о заключении вышеуказанного пакта, и, как пишет доктор истории, адъюнкт Института истории ПАН М. Гмурчик-Вроньская, «остается открытым вопрос, чего он хотел этим достигнуть» (там же, с. 59–60).

В 1938–1939 гг. союзник Германии Италия оккупировала Албанию, Япония – острова Спартли и Хайнань. А 1 сентября 1939 г. Германия совершила нападение на Польшу. Вступившие в войну 3 сентября Англия и Франция фактически бездействовали. Нападение Германии на Польшу «не вызвало значимой реакции Парижа», поскольку во Франции рассчитывали на «длительное сопротивление поляков...» (там же, с. 64). Так, без объявления войны на польской территории начались военные действия, переросшие в крупнейший международный конфликт XX столетия – Вторую мировую войну.

Необходимо отметить, что в августе-сентябре 1939 г. по плану военных кругов Польши проводилась профилактическая акция, направленная на подавление внутренней оппозиции на случай конфликта Польши с Германией или Советским Союзом. К так называемым «антигосударственным элементам» в 1920–1930-е годы «причисляли коммунистов, немцев, украинских националистов, а также некоторых представителей других национальных меньшинств, проживавших в Польше» (29, с. 95). Самая масштабная акция по умиротворению «антигосударственных элементов» состоя-

лась в ночь с 31 августа на 1 сентября 1939 г. В ее ходе несколько тысяч немцев, украинцев и поляков были арестованы и помещены в лагерь в Березе Картуской. Однако, как отмечает В. Ястжембский, «способ квалификации т.н. небезопасных элементов был далек от совершенства» (29, с. 104). Негативную роль в судьбе Польши военных лет сыграло то, что акция по подавлению «антигосударственных элементов» продолжалась в условиях начавшейся войны. Это привело к «жертвам с немецкой стороны и серьезному обострению оккупационной политики истребления поляков в 1939–1945 гг.» (там же).

Г. Стшондала пишет о том, что официальная политика Второй Речи Посполитой в 1930-е годы отчасти соответствовала концепциям польских германофилов, что нашло отражение в «попытке сближения с Германией в 1934 г., согласии на аншлюс Австрии, стремлении к общей границе с Венгрией за счет Чехословакии» (78, с. 29).

Каковы же были причины нападения в 1939 г. Германии, а позднее (17 сентября) СССР на Польшу? На этот вопрос отвечает Л. Мочульский, который высказывает вполне понятную точку зрения: главной причиной случившегося «было само возрождение Речи Посполитой» (57, с. 25). Польша возродилась за счет территориальных приращений, поставивших в невыгодное положение Германию и Россию. Само пребывание Польши между двумя сильнейшими государствами «было в большой степени драматизировано их экспансивно-тоталитарным характером, а угроза возростала пропорционально восстановлению мощи обоих империалистических соседей» (там же, с. 29). Две великие державы не могли смириться с потерями в пользу Второй Речи Посполитой, ее существованием в целом и думали «как бы уничтожить Польшу» (там же, с. 25).

В современной польской историографии обсуждается вопрос о том, желала ли Франция накануне Второй мировой войны заключить союзный договор с СССР, согласившись на любое мнение Москвы по польскому вопросу. Участники полемики – уже упоминавшаяся М. Гмурчик-Вроньская и доцент М. Паштор из Варшавы. Последняя не считает советский фактор существенным для международной обстановки конца 1930-х годов и пишет, что Франция «не была заинтересована в союзе с СССР» (21, с. 99). А М. Гмурчик-Вроньская, напротив, утверждает, что Париж был готов заключить такой союз. СССР же, в свою очередь, без сомнения «стремился занять польские территории» (там же). На основе ряда документов она доказывает, что у французских политиков существовали конкретные планы заключения договора с СССР, и пишет, что «союз с Польшей

имел для Франции значение в антинемецком контексте, а французо-польские отношения были в значительной степени производной от французо-советских отношений» (21, с. 99–100).

М. Гмурчик-Вроньская поднимает еще один актуальный вопрос: какое значение имел польско-французский союз в конце 1930-х годов. И отвечает на него следующим образом: «...накануне Второй мировой войны и в межвоенные годы французо-польский союз “нашел применение на практике” , но его роль снижалась. Это следовало из того факта, что Франция оказалась в положении, в котором была вынуждена сделать выбор между союзом (с Польшей. – *О.Б.*) либо сотрудничеством с гитлеровской Германией или борьбой с ней и стремлениями к заключению альянса с СССР» (там же, с. 102). А у современного польского исследователя П.М. Жуковского еще более пессимистический взгляд на историю польско-французского союза. Он пишет, что отсутствие ответного визита президента Франции в Польшу после визита в Париж Ю. Пилсудского может свидетельствовать «об отсутствии какой-либо искренности в польско-французских отношениях в течение межвоенного двадцатилетия» (95, с. 123).

Другой польский историк А. Пеплоньский задается вопросом о том, могла ли Польша избежать немецкой агрессии. Он приходит к выводу, что Варшава к осени 1939 г. оказалась в безвыходной ситуации. Соглашение с Германией, достигнутое путем передачи ей Гданьска и Поморья, «могло привести к вассализации всей Польши, а также к вовлечению ее в войну Германии с Россией, что было главной целью Гитлера и от чего Польша многократно отказывалась» (66, с. 23). Пеплоньский считает, что нападение Германии на СССР в 1939 или 1940 г. при участии Польши дало бы Берлину больше шансов победить в войне. Правда, в этом случае была бы predetermined судьба не только СССР, но и Польши. А если бы последняя заключила военно-политический союз с СССР, «война с Германией могла бы проходить на восточных землях Польши, а в случае российской победы вассализация Польши, а также значительное сокращение ее территории представлялись неизбежной перспективой» (там же).

Точка зрения А. Пеплоньского совпадает с мнением французского МИДа, подчеркивавшего неизбежность нападения Германии на Польшу. В ноте Даладьё от 22 сентября 1939 г., проанализировавшей старания Франции и Великобритании сохранить мир, было сказано, что «все попытки были изначально обречены на неудачу. Гитлер все равно напал бы на Польшу.... После 23 августа судьба

Польши и так была предрешена, для переговоров уже не было места» (22, с. 63–64). Еще один польский историк, А. Чубинский, делает упор на разные подходы Польши и западных держав к вопросу о взаимодействии в случае немецкой агрессии. Он пишет, что «польские лидеры рассчитывали на быструю помощь западных союзников, в то время как союзники рассчитывали на то, что поляки будут сдерживать натиск Гитлера минимум полгода²²» (17, с. 314).

Особый интерес представляет точка зрения польских историков по поводу роли Польши в международных отношениях. С. Серповский так оценивает место II Речи Посполитой в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений: в межвоенный период «международное значение Польши было высоко вознесено, поскольку она стала наиважнейшим буфером, имевшим целью задержать экспансию большевизма, с одной стороны, а также принять на себя и сдерживать, так долго, насколько это будет возможно, постоянно находившийся в центре внимания немецкий реванш» (75, с. 12). Эта позиция противоречит точке зрения российских историков, которые отводят Польше значимое место в международных отношениях только со второй половины 1930-х годов. Так, И.С. Яжборовская, А.Ю. Яблоков и В.С. Парсаданова, соглашаясь с мнением канд. ист. наук С.З. Случа из Института славяноведения РАН, пишут, что Польша «во второй половине 30-х гг. объективно начинала играть крайне важную роль, оказывая большое влияние на корректировку и даже расстановку сил на Европейском континенте в 1939 г.» (12, с. 26).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение новой литературы по внешней политике Польши 1919–1939 гг. и международным отношениям указанного периода позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, по мнению польских историков, 1920-е годы стали временем подтверждения актуальности Версальской системы в новой политической ситуации в Европе. Ее творцы Великобритания и Франция вели тонкую дипломатическую игру, стремясь обеспечить себе надежные гарантии безопасности путем корректировки послеверсальских позиций более слабых государств, к которым относилась, в частности, Польша. Так, например, желавшая сохранить свое влияние в Европе

²² На деле сопротивление Польши длилось менее пяти недель.

Франция пыталась обеспечить неприкосновенность своей границы с Германией, не заботясь при этом о гарантиях польско-германской и чехословацко-германской границ.

Во-вторых, позиция возникшей и существовавшей в рамках Версальской системы молодой Польской Республики была весьма нестабильной. Несмотря на то, что ее правящие круги стремились играть серьезную роль в международных делах, объективно это была страна, подчиненная интересам более сильных государств. И это ее положение было закреплено Версальским договором, по которому она попала в число союзных государств, вынужденных подчиниться решениям великих держав. Еще одной причиной, по которой Польша время от времени становилась разменной монетой в игре великих держав, была ее экономическая слабость. К ней следует добавить экономические кризисы мирового масштаба, которые Польша переживала тяжелее, чем более сильные в экономическом отношении страны. Проблемы безопасности решались поляками путем создания системы двусторонних союзов, а также лавирования между западными державами и СССР. В целом место Польши в системе международных отношений межвоенного периода оценивается как архиважное, поскольку Варшава спасала всю Европу, сдерживая экспорт большевизма на Запад и немецкий реваншизм.

В-третьих, межвоенная Польша имела весьма сложные отношения с большинством своих соседей, прежде всего с Германией и Советской Россией (а позднее – СССР), военный, промышленный и людской потенциал которых превосходил польский. В 1920-е годы Берлин придерживался политики балансирования между СССР и Западом, стремясь при этом к пересмотру Версальского договора, а значит, уже оставлял за собой возможность пересмотреть границы с Польшей. СССР же проводил противоречивую политику в отношении Варшавы, характеризующуюся колебаниями от противостояния, включая военные действия в ходе советско-польской войны, к попыткам сотрудничества в различных областях. Но степень опасности Германии и СССР для Варшавы по-разному оценивали находившиеся у власти в Польше политические силы. Если для пилсудчиков врагом № 1 была Москва, то для эндеков – Берлин, и в соответствии с этим формулировались различные внешнеполитические концепции. Сложными были отношения Польши с Литвой из-за конфликта по поводу Вильно и с Украиной из-за спора по вопросу о принадлежности западноукраинских земель. Непростыми были и отношения с Чехословакией по причине

военно-политического противостояния из-за Тешинской Силезии, Оравы и Спиша.

В-четвертых, в первые послевоенные годы польская дипломатия ориентировалась преимущественно на Францию. Создававшийся ею военно-политический блок в Центральной и Юго-Восточной Европе был направлен против Германии и СССР. Но после 1925 г., когда западные державы заключили с Германией соглашения в Локарно, не дававшие твердых гарантий нерушимости польско-германской границы, Польша стала проводить более независимую от Парижа политику. Это стало особенно заметно, когда после государственного переворота 1926 г. контроль за внешней политикой оказался в руках маршала Ю. Пилсудского. Но поскольку Польше не удалось получить гарантий своей западной границы, она нуждалась в надежном союзнике на случай германского реванша, что оставляло поле для дальнейшего политического диалога с СССР. Впоследствии тесных отношений с Францией поляки уже не имели и в 30-е годы отказались от участия в создаваемом ею военно-политическом блоке «Восточное Локарно». Тем не менее Польша, несмотря на провал ее концепции «Междуморье», была гарантом статус-кво в регионе Междуморья.

Польские историки высоко оценивают деятельность министра иностранных дел А. Скшиньского, которому пришлось решать сложные вопросы внешней политики страны в период между установлением восточной границы Польши и Локарнской конференцией 1925 г. Совершенно очевидным представляется мнение П. Вандыча, который пишет, что идеи Скшиньского «не утратили актуальность даже в эру американского мира и Европейского Союза» (82, с. 269).

В-пятых, в начале 1930-х годов в связи с изменениями международной обстановки были сформулированы принципы новой внешней политики Польши – политики балансирования. Она позволила Варшаве заключить польско-советский договор о ненападении (1932) и аналогичную польско-германскую декларацию (1934). Но они не помогли Польше избежать войны. Как пишет Я. Киверская, «пустыми обещаниями оказались договоры о ненападении с двумя соседями, которые рассматривались как важный фактор безопасности Польши. Один договор Гитлер разорвал за четыре месяца до агрессии, а другой не был расторгнут – его попрали вторгнувшиеся (на территорию Польши. – *О.Б.*) 17 сентября 1939 г. советские войска» (36, с. 258).

Попустительство западных держав, противоречия между ними и наращивание военной мощи Германии привели к возвра-

щению последней в число великих держав и позволили ей проводить агрессивную политику. В результате Берлин без труда провел аншлюс Австрии и расчленил Чехословакию, заключил кабальный договор с Румынией и предъявил серьезные территориальные претензии к Варшаве. Особую роль в судьбе Польши сыграл пакт Риббентропа–Молотова. Он предопределил очередной раздел Речи Посполитой. В числе немецких планов конца 1930-х годов было нападение на Польшу, осуществленное 1 сентября 1939 г. Оно послужило началом Второй мировой войны и на весь ее период лишило Польшу независимости.

Причины случившегося коренятся не только в особенностях международной обстановки межвоенного периода и изначальной противоречивости Версальской системы, не выдержавшей по этой причине проверку временем. Серьезную роль сыграла также внешняя политика Польши и внутренняя ситуация в ней. Продолжая тему, А. Возный отмечает, что польская «оборонительная война 1939 г. закончилась поражением, и, как ни одна другая война, выявила многочисленные слабости государства и армии II Речи Посполитой» (87, с. 5). Но в польской историографии имеется и более оптимистический взгляд на события 1939 г. Так, П. Лоссковский, выражая весьма распространенную в польской научной литературе точку зрения, пишет, что «Польша, решившись на вооруженное сопротивление Германии, сыграла безмерно важную роль в истории всей Европы. Была прервана полоса бескровных побед Гитлера. Третий рейх начал войну, которая закончилась его не знающим примеров поражением» (46, с. 55).

Список литературы

1. *Борейша Е.В.* К истории польского вопроса в XIX–XX веках // Европа=Europa. – W-wa, 2002. – Т. 2, N 1. – С. 215–232.
2. *Грегорович С.* Место и роль СССР в политике Польши в 30-е годы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. ст. / РАН. Ин-т рос. истории, Пол. акад. наук, Ин-т истории и др.; Отв. ред. Дурачински Э., Сахаров А.Н. – М., 2001. – С. 39–49.
3. *Дембски С.* Польско-советские отношения в оценках Берлина в 30-е годы: Некоторые вопросы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. ст. / РАН. Ин-т рос. истории, Пол. акад. наук, Ин-т истории и др.; Отв. ред. Дурачински Э., Сахаров А.Н. – М., 2001. – С. 191–218.

4. *Лечик М.* Во французско-польско-российском треугольнике, 1922–1934 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. ст. / РАН. Ин-т рос. истории, Пол. акад. наук, Ин-т истории и др.; Отв. ред. Дурачински Э., Сахаров А.Н. – М., 2001. – С. 112–128.
5. *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 474 с.
6. *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918–1939 гг. – М.: Вече, 2001. – 461 с.
7. *Матерски В.* Польско-советские отношения, (1932–1939): Узловые проблемы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. ст. / РАН. Ин-т рос. истории, Пол. акад. наук, Ин-т истории и др.; Отв. ред. Дурачински Э., Сахаров А.Н. – М., 2001. – С. 97–105.
8. *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 528 с.
9. *Наумов А.О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. – М.: РОССПЭН, 2007. – 416 с.
10. *Офицеров Д.В.* Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2003. – Вып. 4. – С. 33–39.
11. *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. – М.: Academia, 2005. – 404 с.
12. *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2009. – 519 с.
13. *Batowski H.* Między dwiema wojnami, 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej. – Kraków: Wydaw. Literackie, 2001. – 574 s.
14. *Białokur M.* Powstanie I Republiki Czechosłowackiej i jej polityka wobec Polski w pierwszych miesiącach niepodległości w myśli politycznej działaczy obozu narodowo-demokratycznego // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / Pod red. Marszała M., Sadowskiego M. – Wrocław, 2009. – S. 367–384.
15. *Bulhak H.* Polska – Francja: z dziejów sojuszu 1933–1936. – W-wa: Neriton: Inst. historii PAN, 2000. – 178 s.
16. *Chabros F.* Polska prasa górnośląska o stosunku Rosji Radzieckiej do Polski w latach 1918–1921 // Śląski kwartalnik hist. «Sobótka». – Wrocław etc., 2004. – R. 59, N 2. – S. 219–272.
17. *Czubiński A.* Mity, legendy i polska rzeczywistość historyczna. Polskie spory o wiek XX // Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku / Pod red. Sierpowskiego S. – Poznań, 2002. – S. 300–323.
18. *Dziadul J.* Gra o Śląsk // Polityka. – W-wa, 2010. – N 30. – S. 68–70.

19. *Fiedor K.* Narodziny i zmierzch systemu wersalskiego // Acta Univ. Wratislaviensis. Niemcoznawstwo. – Wrocław, 2000. – N 9. – S. 9–91.
20. *Fiktus P.* Polska myśl kolonialna u progu Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / Pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. – Wrocław, 2009. – S. 339–355.
21. *Gmurczyk-Wrońska M.* O badaniach nad stosunkami międzynarodowymi – w odpowiedzi Marii Pasztor // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2005. – R. 37, N 1. – S. 93–112.
22. *Gmurczyk-Wrońska M.* Polski wrzesień 1939 r. widziany z Paryża // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2001. – R. 33, N 2. – S. 57–78.
23. *Gruchala J.* Słowackie środowiska polityczne wobec stosunków polsko-rosyjskich i polsko-sowieckich w XX w. (do połowy lat 20.) // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2010. – R. 62, N 1. – S. 41–62.
24. Harcerze Lubelszczyzny w wojnie polsko-bolszewickiej, 1919–1920 / Pod red. Dąbrowskiego S.J. – Lublin: Wydaw. Tylda, 2009. – 246 s.
25. *Hauser P.* Problem mniejszości narodowych // Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku / Pod red. Sierpowskiego S. – Poznań, 2002. – S. 86–107.
26. *Hryciuk G.* Stosunki polsko-ukraińskie w ocenie konsulatu niemieckiego we Lwowie w 1939 roku // Śląski kwartalnik hist. «Sobótka». – Wrocław etc., 2009. – R. 64, N 2/3. – S. 223–234.
27. *Hucker D.* French public attitudes towards the prospect of war in 1938–1939: «pacifism» or «war anxiety»? // French history. – Oxford, 2007. – Vol. 21, N 4. – P. 431–499.
28. *Jarnecki M.* Irredenta ukraińska w relacjach polsko-czechosłowackich w latach 1918–1939. – Poznań: Uniw. im. Adama Mickiewicza; Kalisz: Kaliskie t-wo przyjaźni nauk, 2009. – 301 s.
29. *Jastrzębski W.* Realizacja polskiego planu unieruchomienia tak zwanych elementów antypaństwowych, (sierpień – wrzesień 1939 roku) // Państwo–władza–społeczeństwo w dwudziestym wieku / Red. Kozyra W. – Lublin, 2004. – S. 95–104.
30. *Jeziorny D.* Sprawa Austrii w koncepcjach i praktyce dyplomatycznej Wielkiej Brytanii, (1918–1919) // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2001. – R. 33, N 2. – S. 131–137.
31. *Kamiński M.K.* Sowiety wobec sytuacji spowodowanej kryzysem państwa czechosłowackiego we wrześniu 1938 r. // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2010. – R. 62, N 3. – S. 15–22.
32. *Kania K.* Wielka Brytania 1918–1939 w świetle polskich źródeł dyplomatycznych. – Toruń: A. Marszałek, 2007. – 294 s.
33. *Kawalec K.* Mit «wielkiej» Polski jako element dziedzictwa roku 1918 // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / Pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. – Wrocław, 2009. – S. 57–68.

34. *Kawalec K.* Spadkobiercy niepokornych: Dzieje polskiej myśli politycznej, 1918–1939. – Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2000. – 289 s.
35. *Kiwierska J.* Spór Ameryki z Europą o długi wojenne i reparacje, (1921–1932) // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2007. – R. 39, N 4. – S. 17–36.
36. *Kiwierska J.* W sercu Europy. Kwestie bezpieczeństwa // Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku / Pod red. Sierpowskiego S. – Poznań, 2002. – S. 249–273.
37. *Klejn Z.* Bułgaria między białą a czerwoną Rosją i wojna polsko-sowiecka // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2001. – R. 33, N 2. – S. 19–33.
38. *Kornat M.* Polska Odrodzona czy państwo nowe? Zagadnienie ciągłości i zerwania w dziejach porozbiorowych // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / Pod red. Marszała M., Sadowskiego M. – Wrocław, 2009. – S. 31–44.
39. *Koszel B.* Europa Środkowa i Południowo-Wschodnia w myśli i praktyce politycznej Niemiec w XX wieku // Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945: Zbiór studiów / Pod red. Wojciechowskiego M. – Toruń, 2000. – S. 65–96.
40. *Koszel B.* Rola i miejsce Polski w integracji Europy // Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku. – Poznań, 2002. – S. 274–299.
41. *Kotłowski T.* Historia Republiki Weimarskiej, 1919–1933. – Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2004. – 362 s.
42. *Kozłowski P.* Wywiad i kontrwywiad polskich służb granicznych w latach 1927–1935 // Polska i jej wschodni sąsiedzi / Pod. red. A. Andrusiewicza. – Rzeszów, 2007. – T. 8. – S. 63–75.
43. *Krzak A.* Kontrwywiad wojskowy II Rzeczypospolitej przeciwko radzieckim służbom specjalnym, 1921–1939. – Toruń: A. Marszałek, 2007. – 383 s.
44. *Kulak T.* Polska wobec Ligi Narodów w latach 1935–1936 (W związku z politycznymi zmianami w sytuacji europejskiej) // Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945: Zbiór studiów / Pod red. Wojciechowskiego M. – Toruń, 2000. – S. 27–43.
45. *Lebioda T.* Niemcy w międzywojennej Czechosłowacji i Polsce. Dwie barwy mniejszości narodowej // Acta Univ. Wratislaviensis. Niemcoznawstwo. – Wrocław, 2000. – N 9. – S. 93–127.
46. *Łossowski P.* Kwestia polska i polityka zagraniczna // Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku / Pod red. Sierpowskiego S. – Poznań, 2002. – S. 43–65.
47. *Luszczynski A.* Polska i Czechosłowacja – dwa modele odradzania państwowości na początku XX wieku // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / Pod red. Marszała M., Sadowskiego M. – Wrocław, 2009. – S. 357–366.

48. *Madera A.* Prometeizm i polityka etniczna wobec narodów słowiańskich w poglądach i działalności Tadeusza Hołównki // Europa Środkowo-Wschodnia w polskiej myśli politycznej / Pod red. M. Dymarskiego, J. Juchnowskiego. – Wrocław, 2004. – S. 53–101.
49. *Maciejewski M.* Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / Pod red. Marszała M., Sadowskiego M. – Wrocław, 2009. – S. 139–158.
50. *Marcoń W.* Unifikacja Zaolzia w ramach województwa śląskiego z II Rzeczypospolitą // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2010. – R. 62, N 3. – S. 3–14.
51. *Marszał M.* Nacjonalizm integralny Związku Młodych Narodowców, 1934–1939 // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / Pod red. Marszała M., Sadowskiego M. – Wrocław, 2009. – S. 159–176.
52. *Marszał M., Sadowski M.* Na szlakach Niepodległej – słowo wstępne // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / Pod red. Marszała M., Sadowskiego M. – Wrocław, 2009. – S. 11–20.
53. *Masnyk M.* Granica polsko-niemiecka na Górnym Śląsku w polityce Polski i mocarstw zachodnioeuropejskich w 1921 roku. – Opole: Wydaw. Uniw. Opolskiego, 2005. – 273 s.
54. *Materski W.* Pobocza dyplomacji. Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczypospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. – W-wa: Inst. studiów polit. PAN, 2002. – 320 s.
55. *Michowicz W.* Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym // Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945: Zbiór studiów / Pod. red. Wojciechowskiego M. – Toruń, 2000. – S. 5–26.
56. *Miknys R.* Od kogo odłączyła się Litwa w latach 1917–1918 – od Rosji czy Polski // Biuletyn historii pogranicza. – Białystok, 2008. – N 9. – S. 23–33.
57. *Moczulski L.* Wojna Polska. – Wyd. popr. i uzup. – W-wa: Bellona, 2009. – 991 s.
58. *Morawiak R.* Opinia polska o zajęciu Śląska Cieszyńskiego przez Samodzielna, Grupę, Operacyjną, «Śląsk» // Śląski kwartalnik hist. «Sobótka». – Wrocław etc., 2008. – R. 63, N 3. – S. 329–348.
59. *Nowak-Kielbikowa M.* Zabiegi polskie na terenie brytyjskim w 1937 r. o włączenie Polski do negocjacji mocarstw o Pakt Zachodni // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2005. – R. 37, N 1. – S. 3–10.
60. *Nowaczewska R.* Dobroczynna Ameryka. Walka ze skutkami Wielkiego Kryzysu w latach 1929–1937. – W-wa: Wydaw. Uniw. Warszawskiego, 2009. – 352 s.
61. *Nowaczewska R.* Wybrane amerykańskie fundacje a «budowa pokoju i postępu» w Europie w okresie międzywojennym // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2007. – R. 39, N 4. – S. 35–49.
62. *Nurek M.* Dyplomacja brytyjska wobec kwestii integracji w rejonie morza Bałtyckiego, 1919–1939 // Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–

- 1945: Zbiór studiów / Pod. red. Wojciechowskiego M. – Toruń, 2000. – S. 195–217.
63. *Okulewicz P.* Koncepcja «międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926. – Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2001. – 418 s.
64. *Olstowski P.* Wiedeńskie sympozjum poświęcone polsko-austriackim stosunkom wojskowym w XX w. // *Dzieje najnowsze.* – Wrocław etc., 2010. – R. 62, N 1. – S. 295–297.
65. *Peplowski A.* Rozpoznanie niemiecko-sowieckiej współpracy wojskowej i politycznej 1918–1939 przez Oddział II Sztabu Głównego WP // *Przegląd Wschodni.* – W-wa, 2004. – T. 9, Z. 1 (33). – S. 47–62.
66. *Peplowski A.* Wywiad a dyplomacja II Rzeczypospolitej. – Toruń: A. Marszałek, 2005. – 448 s.
67. *Peplowski A.* Zasady i zakres współdziałania dyplomacji i wywiadu wojskowego w II Rzeczypospolitej // *Państwo–władza–społeczeństwo w dwudziestym wieku / Red. Kozyra W.* – Lublin, 2004. – S. 95–104.
68. Przewrót majowy 1926 roku w oczach Kremla / Pod red. Musiała B. – W-wa: Inst. pamięci nar., 2009. – 319 s.
69. *Reginia-Zacharski J.* Sprawa ukraińska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1917–1923. – Toruń: A. Marszałek, 2004. – 398 s.
70. *Romanek J.* Totalitaryzm sowiecki w ocenie polskiej prasy wojskowej lat 1929–1939. – Toruń: A. Marszałek, 2009. – 277 s.
71. *Różański P.* Stany Zjednoczone i Polska w drugiej połowie lat 30. XX w. W kręgu spraw żydowskich // *Dzieje najnowsze.* – Wrocław etc., 2010. – R. 62, N 1. – S. 63–80.
72. *Różański P.* Stany Zjednoczone wobec kwestii żydowskiej w Polsce, 1918–1921. – Gdańsk: Wydaw. Uniw. Gdańskiego, 2007. – 387 s.
73. *Scheffler T.* Europa po Hitlerze: Ład międzynarodowy w koncepcjach konserwatywnej opozycji w Trzeciej Rzeszy. – Wrocław: Wydaw. Uniw. Wrocławskiego, 2006. – 366 s.
74. *Sielezin J.R.* Idea federacji polsko-czechosłowackiej jako element gry politycznej w latach 1939–1943 // *Europa Środkowo-Wschodnia w polskiej myśli politycznej.* – Wrocław, 2004. – S. 137–158.
75. *Sierpowski S.* Polska w Europie, Europa w świecie // *Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku / Pod red. Sierpowskiego S.* – Poznań, 2002. – S. 11–42.
76. *Sierpowski S.* Uwarunkowania narodzin planu Brianda o europejskiej federacji // *Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945: Zbiór studiów / Pod. red. Wojciechowskiego M.* – Toruń, 2000. – S. 155–174.
77. *Skrzypek A.* Polska – Rosja. Stereotypy // *Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku / Pod red. Sierpowskiego S.* – Poznań, 2002. – S. 154–169.

78. *Strządala G.* Polska a Europa Środkowa w myśli politycznej Władysława Gizberta-Studnickiego, 1918–1939 // *Europa Środkowo-Wschodnia w polskiej myśli politycznej* / Pod red. M. Dymarskiego, J. Juchnowskiego. – Wrocław, 2004. – S. 27–51.
79. *Szczepański J.* Stanowisko polskich partii politycznych wobec wojny w latach 1919–1920 z Rosją Sowiecką // *Państwo–władza–społeczeństwo w dwudziestym wieku* / Red. Kozyra W. – Lublin, 2004. – S. 95–104.
80. *Szudarek K.M.* Stanowisko dyplomacji brytyjskiej wobec sprawy odroczenia pierwszej sesji komisji przygotowawczej konferencji rozbrojeniowej w Genewie w 1926 r. // *Acta Univ. lodziensis. Folia historica.* – Łódź, 2001. – № 73. – S. 25–45.
81. *Tomaszewski J., Landau Z.* Polska w Europie i świecie, 1918–1939. – W-wa: TRIO, 2005. – 336 s.
82. *Wandycz P.* Aleksander Skrzyński, minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej. – W-wa: Pol. inst. spraw międzynar., 2006. – 394 s.
83. *Węcłewska M.* Polskie dylematy w «czasach aniołów». Próby budowania bezpieczeństwa zbiorowego w Europie w latach 1926–1929 a koncepcje polskiej polityki zagranicznej w świetle «Gazety Warszawskiej» // *Acta Univ. lodziensis.* – Łódź, 2008. – N 82. – S. 71–101.
84. *Włodarkiewicz W.* Przed 17 września 1939 roku: Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych, 1921–1939. – W-wa: Neriton, 2002. – 318 s.
85. *Wojciechowski M.* Rola traktatu wersalskiego w kształtowaniu stosunków między państwowych w Europie Środkowo-Wschodniej na przykładzie realizacji przez Niemcy postanowień traktatowych w sprawie przekazania Polsce części prowincji Prusy Wschodnie w latach 1919–1920 // *Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945: Zbiór studiów* / Pod. red. Wojciechowskiego M. – Toruń, 2000. – S. 135–153.
86. *Wojtkowiak J.* Stosunki radziecko-japońskie w latach 1931–1941. – Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2000. – 260 s.
87. *Wólos M.* Postawa państw Europy Środkowo-Wschodniej wobec francuskiej koncepcji pakta wschodniego w latach 1934–1935 // *Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945: Zbiór studiów* / Pod. red. Wojciechowskiego M. – Toruń, 2000. – S. 175–194.
88. *Woźny A.* Niemieckie przygotowania do wojny z Polską w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych w latach 1933–1939. – W-wa: Neriton, 2000. – 371 s.
89. *Wright J.* Locarno: a democratic peace? // *Review of international studies.* – Cambridge, 2010. – Vol. 36, N 2. – P. 391–411.
90. *Wrzesiński W.* Polacy – Niemcy. Stereotypy // *Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku* / Pod red. Sierpowskiego S. – Poznań, 2002. – S. 145–153.
91. *Wrzesiński W.* Sąsiad. Czy wróg?: Ze studiów nad kształtowaniem obrazu Niemca w Polsce w latach 1795–1939. – Wyd. 2 zmien. – Wrocław: Wydaw. Uniw. Wrocławskiego, 2007. – 812 s.

92. *Zamoyski A.* Warszawa 1920: Nieudany podbój Europy. Klęska Lenina. – Kraków: Wydaw. Literackie, 2009. – 289 s.
93. *Zieliński Z.* Kresy jako obszar ekspansji // Biuletyn historii pogranicza. – Białystok, 2008. – N 9. – S. 5–15.
94. *Żerko S.* Polska w hitlerowskiej koncepcji polityki zagranicznej 1933–1939 // Acta Univ. wratislaviensis. – Wrocław, 2001. – T. 2214, N 24. – S. 247–276.
95. *Żukowski P.M.* Czołowi politycy i wojskowi III Republiki w świetle polskiej opinii publicznej od marca 1938 do kwietnia 1940 roku // Prace historyczne. – Kraków, 2007. – T. 134. – S. 123–142.

О.В. Бабенко

**ПОЛЬША В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(1919 – 1939 гг.)**

Аналитический обзор

Оформление обложки
и компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 24/V – 2011 г. Формат 60x84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 5,0 Уч.-изд. л. 4,0

Тираж 300 экз. Заказ № 92

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14**

E-mail: market@INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9